

Цена 10 коп.



Вокруг Света



№5

Хотите ли вы не только читать о том, что бывает на свете, но и видеть все своими глазами?



**ЕСЛИ — ДА, ТО
НЕМЕДЛЕННО ПОКУПАЙТЕ**

**ВЯЧЕЙКАХ ОСОАВИАХИМА,
ОТДЕЛЕНИЯХ СБЕРКАСС
и ФИЛИАЛАХ ГОСБАНКА**

БИЛЕТЫ III ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА

**в которой бу-
дет разыграно 16.000
выигрышей на сумму
300.000 руб.**

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ:

№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ВЫИГРЫШЕЙ	Колич. выигрышей	Стоимость одного выигрыша в рублях	№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ВЫИГРЫШЕЙ	Колич. выигрышей	Стоимость одного выигрыша в рублях
1	Кругосветное путешествие по любому маршруту в течение 4-х мес.	1	10.000	11	Путешествие — Москва-Прага-Москва	1	1.100
2	Кругосветное путешествие в течение 2-х месяцев	1	5.000	12	» Москва - Кенигсберг - Москва	2	840
3	Путешествие в Америку	1	2.000	13	» Москва-Рига-Москва	3	800
4	» Москва-Токио-Москва	1	2.000	14	Поездок по Волге на пароходе	50	200
5	» Москва - Алжир-Москва	1	2.000	15	Мест в санаториях СССР на 1 мес.	100	200
6	» Москва-Париж-Москва	2	1.350	16	Экскурсий по Кавказу	50	150
7	» Москва-Вена-Москва	2	1.200	17	Мотоциклов	3	1.200
8	» Москва-Константинополь-Москва	1	1.200	18	Аэросаней	1	1.200
9	» Москва-Берлин-Москва	2	1.100	19	Моторных лодок	2	1.000
10	» Москва-Кабул-Москва	1	1.100	20	Глиссеров	1	1.000
				21	Велосипедов	100	200

Каждый выигрыш может быть, по желанию выигравшего, заменен деньгами в сумме стоимости выигрыша, или любыми предметами сельско-хозяйственного обихода на ту же сумму.

РОЗЫГРЫШ СОСТОИТСЯ В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ 1929 года.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лер., Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Телф. 175-38.

Вокруг Света

№ 5

1929 г.

3-го

ФЕВРАЛЯ

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.
Издается в Ленинграде.

Содержание: Д. Славектантор „Таяжная тайна“. — С. Орловский „Без эфира“. — Пьер Милль „Тот, кто знает“. — Х. Славинский „Хагара“. — Х. Боголюбов „Разъезд Целибеевка“. — И. Шидловский „Мушти“.

ТАЕЖНАЯ ТАЙНА

Очерк Д. Славектантора

Это было двадцать один год тому назад... 30 июня 1908 года.

В ясное, ихое утро этого дня сейсмографические нервы Иркутской обсерватории вдруг пришли в волнение и начали резко вычерчивать кривые. Землетрясение!.. В этот же день далеко от Иркутска, в глухом Бодайбо, слышались громовые раскаты. Их слышали и у губы Енисея, и в Томске, в Усинском краю и в устье Витима. Под Канском испуганные крестьяне видели промелькнувшее в небе огненное облако. В районе железной дороги, на Ангаре и в других местах валились с ног лошади, падали люди...

На отдаленной фактории Вановар с крестьянином С. Семеновым произошло странное событие. Он так рассказывает о нем:

... «Занимался работой у своей избы. Сидел на крыльце лицом на север и в это время на северо-западе образовалось, в момент, огненное воспламенение, от которого получился такой жар, что невозможно было сидеть, — чуть-чуть не загорелась на мне рубашка.

И такое раскаленное чудо, я заметил, что оно занимало пространство не менее 2 верст. Но зато такое воспламенение существовало очень мало... Сделалось темно, и в то же время получился взрыв, которым меня бросило с крыльца»...

Сейсмическая волна прокатилась по поверхности земного шара на тысячу километров...

И все же, землетрясения не было. Да, его не было.

Это на землю упал дикий и буйный пришелец из тех может быть дальних окраин солнечной системы, где другая «земля» вращается вокруг солнца. Этот пришелец был — метеорит. Тунгусский метеорит, — так прозвали его.

Земля наша знала их, этих гостей из далеких миров, и раньше. Старинные китайские рукописи глухо говорили о падении с неба каких-то камней. Говорили об этом и римляне, Ливий и Плутарх. В глубокой древности камни эти почитались священными, и человек скло-

нял колени перед живым напоминанием того, что мир не замыкается тем, что он видит вокруг себя. И священный черный камень Каабы — Хаджар-Эль-Асвад — в Мекке, камень, к которому еще

когда один метеорит влетел в лохань с бельем — этаким неожиданным гостем из межпланетных пространств — и не причинил ни малейшего вреда.

Это не было похоже и на падение камней метеорита Гессле, когда они упали на ледяную твердь реки и — бесильные! — отскочили, даже не пробив ее. Нет, обстановка, связанная с событием 30 июня, рассказы о небывалых разрушениях в тайге, передававшиеся среди тунгусов, указывали, что произошло событие исключительное.

* * *

... Человеческий ум не знает усталости. Он беспокоен, пылив. Он остро враждебен всему неизвестному и непонятному. И каждая отрасль знания, где есть свои белые пятна, как на географических картах, вырабатывает своих энтузиастов.

Одни рвутся к полюсам земли и гибнут во льдах. Другие бросают насиженные места и покои и остаются одни в тайге ради науки.

Так поступил Леонид Алексеевич Кулик.

Таким путем движется наука, ибо здесь — тоже фронт, а фронт требует жертв и своих героев.

Где он, этот метеорит? В какой уголок Сибири занесла судьба вестника далеких миров. Нельзя было точно ответить на это. Никто не видел его. Никто не был в этих краях. А верить фантастическим рассказам тунгусов о «боге грома» было трудно.

Пытался составить по их рассказам этнограф И. М. Суслов карту района падения, таким же образом составил карту и С. В. Обручев, но все это было далеко еще недостаточно. В 1927 г. из Ленинграда на восток выехала экспедиция Л. А. Кулика.

В тайгу. Определить район падения «бога грома». И эта разведка блестяще удалась.

Она блестяще удалась, но ценой каких усилий! Один раз Л. А. Кулик пытался прорваться от Вановара к месту падения на лошадях. Оленьей тропой обещал тунгус-проводник вывести его



Л. А. Кулик.

и теперь стекаются толпы правоверных мусульман, — тоже метеорит.

Человечество знает самый крупный метеорит в 36½ тонн. Оно знает метеорит и поменьше — мексиканский в 27 тонн. Но ничего похожего не было, по сравнению с воинственным вторжением, страшным и громоподобным, тунгусского метеорита. Нет, это не было забавным происшествием, подобно тому,

к «Великому болоту». Но кони вязли по грудь в сыпучем снегу. Они застре-вали в таежных зарослях. Деревья рвали и сбивали громоздкие выюки. Там, где легкий олень скользил, оста-вляя небольшие следы, тяже-лые ямщицкие лошади еле-еле пробирались. Ибо, в конце-концов, и оленьей тропы в действи-



тельности не было: ее скрыл под собой 60-сантиметровый покров снега.

Так не удалась первая попытка про-биться к будущему «плоскогорью Ку-лика». Тогда через некоторое время, — а уже надвигался «зеленый шум» и угро-жал разнести все дороги, — была сде-лана вторая попытка. Но хитер и упрям оказался смуглолицый тунгус-проводник: он пришел к месту, недалеко от кото-рого лежал убитый им зимой лось, и отказался дальше идти. На него не дей-ствовали никакие убеждения. Он даже не согласился доставить Кулику с фактории припасы, чтобы тот мог отпра-виться дальше.

...А следов падения метеорита все не было видно. Неужели не удастся пробиться к месту падения?

И, о, случай! Леонид Алексеевич все бродил по окрестным горам. И вдруг волнуемое зрелище представилось раз ему. Далеко на севере он увидел белые, в снегу, желваки гор и на них — ни ма-лейшего следа растительности.

Но ведь тайга не знает естествен-ных плешин! Значит...

Значит, здесь произошло что-то, какая-то могучая сила испепелила и уничтожила вековые деревья на многие версты вокруг. Сомнений быть не могло: это «он» сделал это.

А между тем, приходилось уходить обратно. Тунгус наотрез отказался дальше идти. Тогда возник новый план: вернуться на факторию и не с тунгу-сами, а с русскими рабочими проникнуть в те места, возле которых так близко уже был он.

И снова небольшая партия людей двинулась из фактории к «Великому болоту». И снова великие препятствия приходилось преодолевать. Но ничто не могло остановить. А тут еще веща-ние шамана: «Езжай, бае! Ты минешь Дилошму и попадешь на Хушмо. По нему пройдешь Укогиктон и Ухагирту, а там увидишь ты ручеек Великого бо-лота: там землю «он» ворочал, там лес кругом ломал, — увидишь все с горы высокой».

И партия двинулась вперед. Шест-надцать дней шла она. Шестнадцать дней и еще два дня. Но где же место падения метеорита? И настал час, когда партия пришла к этому месту. Но тут

предоставим мы слово самому Леониду Алексеевичу.

«И вдруг с одной макушки глянул на меня взлохотанный, как толчея по-рога, ландшафт остроконечных голых гор с глубокими долинами меж ними... Глубокое ущелье просекло с севера на юг ряды хребтов; гремучие каскады в воротнике из ледников прорезали из-верженный массив и, бурной горной речкой пройдя ущелье, влились в Хушмо. Так вот и он, ручей Великого болота!» (Л. Кулик. «За тунгусским дивом». Красноярск, 1927 г.).

Цель была достигнута. Но приходи-лось опять уходить отсюда: не хватало продуктов. И партия ушла.

А через год из Ленинграда выехала уже вторая экспедиция. Экспедиция того же Л. А. Кулика.

Экспедиция шла опять в те же места. Позади оставалась культура, шум-ные города, впереди — таежная чаща, отчужденность от внешнего мира.

...Прощальным приветом прозвучал сильный паровозный гудок транссибир-ского экспресса. Паровоз промелькнул мимо заброшенной низенькой станции Тайшет, — и вот уже грохот исчезаю-щего экспресса отдается где-то вдаль, и небольшая группа людей осталась одна на перроне. Ну, Рубикон перейден. Экспедиция началась. В путь! По раз-лившимся речками дорогам, по исчезаю-щим пятнам снега. На перегонку весны.

И скоро на станции не стало их. Люди скрылись в чаще. Курс их — к Ангаре. К ближайшему человеческому поселению — Кежме. Пятисот киломе-тров отделяли их от этого пункта, и он пришел, этот день, когда эти пять-сот километров и весна остались по-зади и экспедиция добралась-таки до Кежмы. А впереди — в двухсот пяти-десяти километрах — оставался един-ственный человеческий форпост, зате-рявшийся в тайге. Это — фактория Ва-новар.

Там, где-то в чащах, гонится за зве-рем тунгус. Выслеживает его, бьет, ловит капканами... А зимой налаживается выючный караван оленей. И с веселыми криками съезжаются на оленях тунгусы к этому десятку построек и каждый выкладывает свою добычу.

А от весны до зимы на этом берегу Подкаменной Тунгуски тихо и безлюдно. Тут-то и произошла встреча экспедиции с оператором Совкино, который, торо-пясь, нагонял ее. Нагонял с большим трудом, с лишениями. На Ангаре, на Ангаре стремился он, спешить нужно было, спешить, потому что с юга шла весна и разрушала все дороги. «Дороги», если их так можно было назвать. И вот оператор Струков уже у берега реки.

гаются люди. И позади всех оператор со своей аппаратурой, позади потому, что дорожке всех сокровищ мира она ему. А впереди проводник. Так добрался опе-ратор до Кежмы, а оттуда по тропе — на Вановар. Все перипетии экспедиции должен был запечатлеть кино-глаз. По-ход. Разрушения, причиненные разбой-ником-метеоритом. Место падения его. Человечество должно было увидеть, как там, в глубине, сидела кучка людей, про-биваясь сквозь дебри, ставила себе за-дачей вырвать у тайги ее тайну.

Тут в Вановаре началась подготовка к дальнейшему походу. Здесь уже нельзя было разобрать, кто профессор, а кто проводник, ибо всем пришлось выпол-нять черную работу. Сами рубили де-ревья, сами пилили доски, гнали смолу, готовили лодки для дальнейшей поездки. Ждали подвижки льда, момента, когда очистится Подкаменная Тунгуска. Вот уже и лодки были готовы. Они вмещали в себе от 5 до 15 пудов поклажи. И 22 мая экспедиция двинулась дальше. Кругом шли леса, прославленные сибир-ские леса. Мачтовые сосны. Береза. Лиственница. 40 — 45-аршинные стволы вздымались к небу...

С трудом, с великими усилиями шли лодки. Гребли напрягаясь, подталкивали лодки шестами, но проходили в час не больше одного километра. Так прошла экспедиция сотню километров вверх по Чамбе и вступила во владение «бога-грома». Все больше и больше призна-ков указывало на это. Стали появляться обожженные деревья, бурелом. А река уплывала все дальше и дальше, и тут ей дорогу перерезал горный хребет. Спенившись, бурным порогом, проры-валась вода сквозь преграды. И этот-то порог чуть не стал могилой Л. А. Кулика.

Из лодки высадились почти все и в ней осталось только двое: Л. А. Ку-лик за рулем и рабочий. Высадив-шиеся начали тянуть бичеву, заверте-лась ручка кино-аппарата: оператор не мог совладать своим инстинктом профессионала и решил провертеть этот рискованный момент перехода че-рез порог. И должно было случиться так, что пленка запечатлела не кино-трик, создаваемый в ателье, а самое настоящее событие. Лодку вдруг свер-нуло поперек течения. Вот уже лодка накрывается. Вот уже она наполняется водой, набухая, и медленно опускается, а Л. А. Кулик не успевает выскочить на камень, как то успел сделать рабо-чий. Плохим финалом закончился бы этот фильм, если бы не зацепился профессор ногой за веревку...

Но хорошо все, что хорошо кон-чается! Смотрите на фильм, смотрите, вы увидите, как профессор уже улы-



Теперь скорее, скорей к Кежме! Но лед ненадежен, коварен. Он каждую минуту может провалиться. И на сани укре-пляются лодки, а уж в них распола-

бается, сидя закутанный в доху, у веселого походного костра. Смотрите на фильм дальше. Вот экспедиция уже вновь отправилась. Вперед и вперед!

Она уже плывет по реке Хушмо, но с каждым часом двигаться вперед все труднее и труднее. Мели... Мели — вот что мешает продвигаться. И реку приходится покинуть. Около устья речки Чургима экспедиция устраивает на столбах склад для продуктов — на столбах, потому что в этих местах нередкий гость — медведь — и двигается через горы к месту падения метеорита. 7 километров от этого места до стоянки экспедиции, но каких мучительных тяжелых 7 километров.

Шли болотами. Шли топями, подбрасывая под ноги поваленный лес, а этим 7 километрам все не было конца. Каждый шаг приходилось завоевывать, и все же экспедиция делала в день не больше 3—4 километров. Так она пришла, наконец, все-таки к тому плоскогорью, которое похоронило в своих недрах тунгусский метеорит.

Так вот оно это место!

21 год тому назад произошло это событие. С неба ворвался в тайгу огненный вихрь и огнем и мечом испепелил на многие десятки квадратных километров окрестности вокруг себя. Там, где он буйствовал, там теперь смерть. Рядами мертвецов лежат 20-сантиметровые, вырванные с корнем, деревья. Рядами лежат они и, как некий ореол, окружают место падения «бога». Ты пойдешь к этому месту с севера и перед тобой будут лежать мертвые стволы, обращенные корнями внутрь. Ты пойдешь к этому месту и с востока — и та же картина смерти: деревья, обращенные корнями во внутреннюю сторону. А внутри этого бурелома, в центре его — всюду воронки. Вон там огромная воронка в 50 метров диаметром, вон воронка помельче. Десятки воронок!.. Какой небесный «чемодан» при взрыве образовал их?

Во всей своей неприглядности раскинулось перед глазами экспедиции опустошенное место сибирской тайги. Его окружали тоскливые своей оголенностью горы, никем не исследованные, никем не нанесенные на карту.

Экспедиция начала работать. Она исследовала окрестности вокруг, она

изучила характер воронок. Ведь, экспедиции и раньше встречались участки земли, развороченные неизвестными старателями, искавшими золото. Она производила магнитометрические работы.

А в это время дал себя знать недостаток достаточно разнообразной пищи.



Особенно овощей. Пища без витаминов — она дала себя очень быстро почувствовать, и первые признаки авитаминоза появились у одного из рабочих. Потом другой. Больные люди только отягощали экспедицию, а возиться с больными было некому. И в первую очередь отправили обратно кино-оператора.

А Л. А. Кулик неутомимо продолжал работать, и никакие лишения не могли сломать его волю. Предстояло еще так много работы. Единственный на памяти культурного человечества случай падения такого огромного метеорита представлял слишком много соблазна. Нужно было многие годы не отрываться от мыслей об этом таинственном метеорите, чтобы зарядить себя таким упорством.

И наступил момент, когда Л. А. Кулик должен был остаться один в глубокой заброшенной тайге. Ушли последние спутники, и всякая связь с внешним миром была прервана. От людей, ближайшего человеческого селения было около 300 километров, от железной до-

роги 850—1000 верст. Но уйти он не имел права! Так чувствовал он. И научная работа продолжалась, как будто бы ничего не случилось.

Л. А. Кулик исходил вдоль и поперек окрестности на десятки километров, он нанес их на карту, он впервые дал имена неизвестным окружавшим его горам. Он назвал их славными именами ученых, своих старших друзей. Вот гора Святского — ученого, который резко, энергично поддержал вопрос о необходимости изучения тунгусского метеорита. Вот гора проф. П. Н. Чирвинского, наиболее крупного нашего метеоритолога. Вдоль и поперек исходил Л. А. Кулик плоскогорье, которое друзья его по экспедиции называли его именем.

Его неразлучным спутником была винтовка. И огромные ветвистые рога лося напоминают ему теперь день 20-го октября 1928 года, когда меткая пуля его винтовки подкосила этот великодушный экземпляр красавца — животного в 4½ аршина длины.

А между тем, со времени отъезда экспедиции из Ленинграда прошло уже 6 месяцев. Два месяца пробыл профессор один в тайге и нет от него известий. Тогда его помощник В. А. Сытин с экспедицией поехал к нему навстречу.

Сейчас Л. А. Кулик в Ленинграде. Он в Ленинграде, но мысли его по-прежнему там... На далеком заброшенном плоскогорье... Он готовится к новой экспедиции. На этот раз она будет более широко поставлена. Будет произведена аэро-фото-съемка. Осавоихим берет над ней шефство.

Зимой Леонид Александрович предполагает выехать на место падения метеорита. Весной же над тайгой закружится дур-алюминиевая птица, и ее металлическое гудение поплывет над неуспешными еще позеленеть кронами деревьев. С самолета будет производиться аэро-фото-съемка, а внизу, на земле, в это время будут стучать лопаты и производиться бурильные работы.

Пора, наконец, добраться до метеорита и показать миру новый блестящий экземпляр «бога грома и огня». Наука получит возможность еще глубже постигнуть тайны космоса, тайны тех миров, в которых земля наша — только одна из ничтожных частиц.

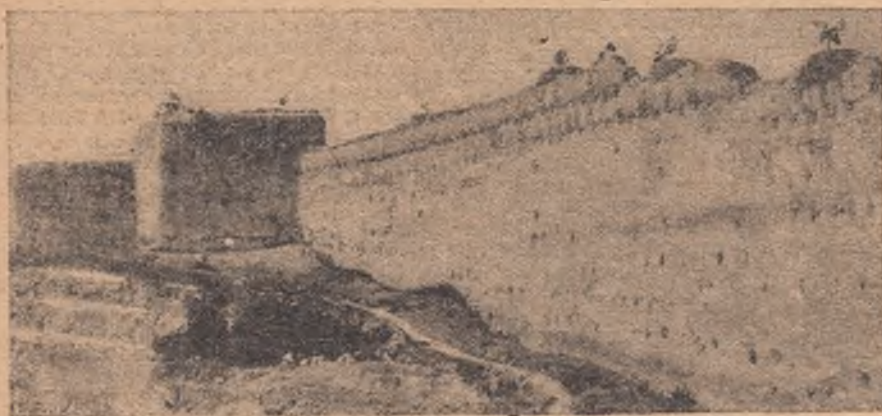


аисты В марокко



Марокканский город Рабат, лежащий на побережье Атлантического океана, — «рай» аистов. В старых стенах города, воздвигнутых когда-то для защиты от грабительских набегов берберов, живут теперь многие сотни аистов. На широких гребнях стен, на зубцах старых башен, всюду поселились и расположили они свои гнезда.

В пределах Африки только в Марокко, Тунисе и Алжире аист высиживает



своих птенцов. Огромные же стаи аистов, появляющиеся в приливных странах и в южной Африке, состоят из перелетных птиц, родина которых находится в Европе. В Африке они лишь проводят зиму. Отметка молодых аистов кольцами показала, что аист, как и все перелетные птицы, для размножения всегда возвращается в то место, где он появился на свет. Таким образом марокканские аисты, высиживающие птенцов, подлинно африканского происхождения, а не колонисты из Европы.

Кольцеванием аистов было также установлено, что осенний перелет в Африку, как и обратный в Европу весной, не идет прямым путем через Средиземное море, а идет окольными путями. Аисты, обитающие восточнее Везера (Германия), странствуют через Балканы, Малую Азию, Палестину и Суэцкий канал. Живущие же западнее Везера направляют свой путь через Францию, Испанию и Гибралтар. В Африке их полет простирается далеко за экватор — до Капской колонии. Последняя является излюбленным зимним убежищем европейских аистов. В Европе аист становится все более редким гостем, что объясняется различными причинами. Осушение топей и болотистых мест, доставляющих ему пропитание, изгоняет его все более и более. В Африке же гибельно сказывается на нем проводимая в больших масштабах борьба с саранчой, которая служит им основной пищей аиста в зимнее время. Здесь опять оказывается верным то, что культура подвергает большой опасности существование звериного мира, в особенности же птичьего. И если к тому же какая-либо разновидность животных слабо размножается, то она обречена на вымирание.



Научно-фантастический рассказ С. Орловского

Рис. Т. Фитингофа

ГЛАВА I

Мистер О-Кейли вернулся домой около полуночи и долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок и вспоминая странный вечер, выпавший на его долю. Когда он шел по приглашению своего приятеля Джереми Гевита на заседание Франклиновского общества, он рассчитывал в сущности спокойно подремать, он предполагал, что докладчик битых два часа будет говорить об отклонении плоскости орбиты Меркурия на угол в одну секунду в течение ста лет или что-либо в этом роде. В этой усыпляющей обстановке предстояло ему посмотреть в тесном кругу на оригинальных чудаков, занятых тайнами неба больше, чем делами земными. Однако, дремать ему не пришлось. Мистер Джеймс Ховард профессор астрономии Института Карнеджи делал сообщение о своих наблюдениях над «угольными мешками», как называют темные части звездного неба, лишенные светил и составляющие до сих пор для астрономов неразгаданную тайну. И первые же слова этого странного доклада заставили мистера О-Кейли навести уши и наполнили душу его смутной тревогой.

Маститый профессор, похожий на большого марабу с голым черепом и уныло опущенными крыльями, начал свою речь сенсационным заявлением, сразу разогнавшим сон мистера О-Кейли.

— Джентльмены, — сказал он сухим, трескучим голосом, подняв к потолку палец, — я должен говорить о вещах, которые покажутся вам необычными, но именно потому требуют вашего особого внимания. По моим расчетам через шесть месяцев Земле грозит неизбежная катастрофа, которая кончится, вероятно, гибелью всего живого населения нашей планеты.

К удивлению О-Кейли слова эти не произвели особенного впечатления на почтенное собрание. Кое-кто улыбнулся, кое-кто пожал плечами; большинство осталось на своих местах с видом полного равнодушия и безмятежного покоя.

Мистер Джеймс Ховард, извинившись, что должен начать издали, коснулся своих многолетних исследований, относящихся к природе странных уголков вселенной, называемых «угольными мешками». Эти беззвездные провалы неба считались до сих пор скоплениями темной материи, где совершаются по всей вероятности таинственные процессы, еще неизвестные на Земле.

— Путем длительных наблюдений и выводов я пришел к совершенно иному результату, — заявил оратор: — данные спектрального анализа, которые мне удалось добыть, говорят явственно в пользу того предположения, что эти странные космические обра-

зования обязаны своим происхождением не скоплению материи, хотя бы и очень разреженной, а наоборот — полной и абсолютной пустоте, пустоте в смысле отсутствия в них не только весомого вещества, но и светового эфира.

По мысли докладчика эти темные пятна звездного неба представляют собой как бы вихревые пустоты, пузыри, плавающие в море эфира, из которых какими-то необъяснимыми процессами он выброшен наружу или во всяком случае сильно разрежен, подобно воздушным ямам в нашей атмосфере, представляющим большую опасность для самолетов.

Так как лучи света не могут проникнуть через эти пустоты за неимением в них среды, передающей колебания, то нам они и кажутся черными провалами, угольными мешками вроде больших пятен в области Скорпиона, Южного Креста и в других местах.

Во вселенной разбросано множество таких пустот, плавающих в бездне светового эфира, при чем по данным мистера Ховарда они движутся в различных направлениях, как вихри в воздухе, пересекая пути небесных тел.

— Одно такое облачко мне удалось открыть недавно в области созвездия Лебедя, — продолжал профессор, — оно сравнительно небольшой величины, едва достигая объема, в который может уместиться орбита Меркурия, и по моим вычислениям мчится по направлению к нам со скоростью около 300 километров в секунду. В настоящий момент оно находится еще далеко за пределами солнечной системы, но через полгода



должно пересечь орбиту Земли и столкнуться с ней, если только можно в данном случае говорить о столкновении.

Последствия подобной встречи вы можете оценить сами.

О-Кейли имел очень смутное понятие об эфире и не мог себе представить, какими именно неприятностями может грозить подобное событие, но, будучи подготовлен вступительными словами докладчика о недалекой катастрофе, ждал необычайного волнения, вызванного таким сенсационным сообщением. К его удивлению ничего подобного не произошло. Члены собрания скептически отнеслись к мрачному предсказанию своего собрата.

Один из них, принявший участие в прениях, с насмешкой заметил, что коллега Ховард настроен вообще чересчур пессимистически и уже не первый раз предсказывает мировую катастрофу.

Ховард презрительно пожал плечами, точно марабу встряхнул крыльями, и направился к выходу; его никто не остановил, и заседание общества продолжалось своим порядком. Но в этих разговорах О-Кейли уже в сущности ничего не понял. Спорили о том, возможно ли допустить существование пустот.

В мировом эфире, толковали о том, что следует понимать под словом «эфир» и существует ли он в действительности. Ссылались на Ньютона, Канта, Пуанкаре, Эйнштейна, и никто ни словом не заикнулся больше о зловещем пророчестве Джемса Ховарда.

Когда О-Кейли вышел вместе с Гевитом на улицу, он невольно стал искать глазами созвездия Лебедя в торжественной тишине ночного неба.

Гевит улыбнулся.

— Тебя, кажется, напугал этот чудак?

О-Кейли вздрогнул.

— Признаться, да. И меня удивляет, как мало обратили внимания на его слова.

— Да ты его не знаешь, — он вообще маниак. С тех пор, как он двадцать лет назад ждал гибели Земли при столкновении с кометой, он просто бредит мировыми катастрофами и всюду видит их приближение.

— Да, но ведь он приводил доказательства, говорил о своих наблюдениях.

— Сказки. Он столько раз преподносил свои сенсации, что смешно было бы об этом говорить серьезно.

— А все-таки чем такая встреча могла бы грозить Земле, если бы она была возможна?

Гевит на минуту задумался.

— Боюсь тебе сказать. Ведь это чистая фантазия. Ну, разумеется, наступил бы полный мрак, так как исчезла бы среда, в которой распространяется свет. Вероятно, зверский мороз, благодаря прекращению поступления солнечной энергии; остановились бы другие явления, связанные с лучистой энергией, вроде передачи радио-волн.

— Но ведь это в самом деле ужасно...

— Брось... Я тебе говорю, он чуть не каждый год ожидает кончины мира.

О-Кейли замолчал. Он был не чужд суеверия; зловещее пророчество Ховарда точно оставило в душе занозу, чувство какого-то страха, от которого он не мог отделаться, глядя в темное глубокое небо.

Но глаз видел только мириады звезд, мерцающих в вышине бесчисленными огнями и молчаливых в своем вечном движении.

ГЛАВА II

Прошло несколько дней. О-Кейли чувствовал себя отвратительно. Неотвязная мысль о предсказании Ховарда портила ему аппетит и лишала сна.

На следующий день после доклада он прочел в New-York Tribune маленькую заметку о заседании Франкменовского общества, в которой вскользь упоминалось о курьезном предположении маститого профессора, на котором собрание не сочло нужным остановиться в виду полной его необоснованности. Заметка канула в бездонное бумажное море, и бурная, трескучая жизнь большого города текла по-прежнему в грохоте повседневных больших и маленьких дел.

Но О-Кейли не спал по ночам и во сне видел огромное черное пятно, заволакивающее непроницаемой тенью половину неба и несущееся к Земле с невообразимой скоростью.

Это было мучительно, несносно, но он не мог с собой сладить и знал, что не успокоится до тех пор, пока не узнает всех подробностей возможного бедствия.

Он решил отправиться к Ховарду и добиться у него разъяснений.

Уже стемнело, когда О-Кейли вышел из дому, и небо покрылось звездами, когда он добрался до обсерватории Института Карнеджи, где работал профессор. На вопрос, где можно найти мистера Ховарда, спрошенный им мрачный субъект бросил на ходу.

— Второй этаж, десятая дверь направо.

А из-за двери знакомый уже трескучий голос закричал сердито:

— Ну, какого еще чорта там нужно? Войдите!

О-Кейли, несколько смущенный странным приглашением, все же переступил порог и в нерешительности остановился.

Лысый марабу ходил по комнате широкими шагами и временами, точно встряхивая крылья, пожимал плечами, бормоча себе под нос что-то нечленораздельное.

Так продолжалось минут пять. Затем старый профессор круто остановился перед посетителем и спросил отрывисто:

— Что нужно?

О-Кейли не сразу собрался с духом ответить.

— Видите ли, мистер Ховард, — начал он медленно подыскивая слова: — я слышал во вторник ваше сообщение в заседании Франклиновского общества.

— Так... ну и что же вам угодно? — угрюмо спросил профессор, засунув руки в карманы пиджака.

— С тех пор я не могу спокойно спать... — признался О-Кейли.

Лицо Ховарда смягчилось.

— А... значит, вы не такой уж безнадежный идиот, как все эти ученые мужи, — сказал он усмехнувшись, — и вы, вероятно, теперь интересуетесь подробностями?

— Да... вы меня извините, что я решил вас потревожить, но это такая необыкновенная вещь. И главное, я не представляю себе ясно, чем может грозить эта встреча?

Ховард закрыл глаза, как бы представляя себе подробности предстоящей катастрофы.

— Прежде всего, абсолютная непроницаемая темнота, с которой нельзя бороться никакими способами. О-Кейли кивнул головой.

— Затем прекращение доступа на Землю солнечной теплоты и отсюда лютый мороз...

— Это ужасно...

— Но это не все. По всей вероятности, прекращение работы всех электрических установок...

— Почему же?

— Потому что электрические явления неизбежно связаны с нарушениями равновесия, с какими-то процессами в эфире, а раз исчезнет среда, в которой они распространяются, трудно предсказать, что произойдет...

— И это все?

— Нет... Может случиться нечто гораздо худшее: исчезнет, разлетится в мельчайшую пыль весь земной шар со всем его живым и мертвым багажом...

О-Кейли смотрел на собеседника полный недоумения и страха.

— Разлетится в пыль? При столкновении с пушотою? Я ничего не понимаю.

— Джеймс Ховард передернул плечами.

— Я не могу утверждать этого наверняка, но по моему такой исход весьма вероятен. По нашим представлениям самые атомы материи или вернее электроны и протоны, т.-е. заряды их составляющие, являются не чем иным, как выхревыми сгущениями все того же эфира. И раз он исчезнет, — очевидно будет нарушено равновесие между частицами вещества и средой, в которой они находятся. Останутся ли они целыми при таких условиях, — более чем гадательно.

— А если нет, то что же случится?

— Я уже сказал. Самое вещество земли со всем живым и мертвым грузом должно рассыпаться в эфирную пыль, рассеяться в пространстве, вероятно, с колоссальным космическим взрывом.

— И это произойдет...

— Через пол-года по моим расчетам.

— И избежать этого невозможно?

— Что вы можете сделать, чтобы отклонить Землю от ее пути или увернуться иным способом от столкновения?

— Но... может быть могла произойти ошибка в вычислениях? Неужели мало места в этих бездонных пространствах, чтобы в них не могли разминуться две таких крупинки, как наша Земля и этот плавающий в эфире пузырь?

— Математика непогрешима, сэр, — холодно возразил Джеймс Ховард, вытянув руку жестом перво-святильника.

— Неужели так велика опасность этой встречи? Как-то трудно себе представить, чтобы какое-то непостижимое ничто, невидимое, неосязаемое...

— Невидимое? Вы ошибаетесь, сэр. Увидеть его ничего не стоит, и если угодно, вы сами можете взглянуть на этого космического странника.

— Я был бы вам очень признателен... — сказал О-Кейли, охваченный смутным волнением.

Они двинулись по бесконечным коридорам, лестницам и переходам, пока не попали код большой купол, сквозь который громоздкое тело телескопа уставилось немигающим шаром в глубину ночного неба.

— Вот, — сказал Ховард через несколько минут, поволившись у инструмента и направив его в нужную точку.

О-Кейли взглянул и замер охваченный невольным трепетом. В бездонном провале, открывавшемся глазу, лучились и мерцали в торжественной тишине далекие, бесконечно далекие звезды, и вокруг них весь фон был точно усеян серебряной пылью миллионами

светящихся солнц, слишком отдаленных, чтобы различить в отдельности их мигающие точки. И это чувство беспредельности пространства, ощущение бездны было так жутко, что у О-Кейли закружилась голова. Ведь средний человек так редко поднимает глаза к небу.

Но, как ни напрягал он свой взгляд, он не мог различить ничего, что было бы похоже на страшного гостя, угрожающего солнечной системе.

— Не видите? — спросил голос Ховарда: — присмотритесь внимательнее. У перекрестка нитей справа внизу черное пятнышко.

Теперь О-Кейли увидел. Это было похоже на маленькую чернильную кляксу на серебряном фоне, такую маленькую, что в телескоп она казалась не больше горошины.

— Это и есть то, что грозит Земле такими ужасами? — в голосе О-Кейли было разочарование.

— Да. Это темное облачко мчится к нам с невероятной быстротой, превышающей в тысячи раз скорость полета земных снарядов; примерно, через три месяца оно ворвется в пределы солнечной системы, а через полгода настанет последний день жизни Земли.

О-Кейли вздрогнул. Ему показалось, что он видит, как движется среди эфирного вихря, в бездонных провалах, наполненных светящейся пылью, где-то там на расстоянии нескольких миллиардов километров жуткий гость, словно камень, брошенный из гигантской пращи таинственной силой.

О-Кейли оторвался от телескопа и взглянул на Ховарда. Тот стоял, скрестив руки на груди и пристально глядел на посетителя.

— Мир тесен все-таки, как видите, — сказал он с грустной улыбкой: — хотя человеку трудно этому поверить.

— И вам не верят... — нерешительно произнес О-Кейли.

— Я знаю... — профессор пожал плечами: — в данном случае впрочем это безразлично. Поскольку катастрофа неизбежна, пусть человечество проведет последние дни в неведении близкого конца.

— По правде сказать, трудно с этим примириться, — покачал головой О-Кейли: — конечно, математика непогрешима: но... могут ошибаться люди. Например, комета Галлея...

— Довольно, — резко оборвал его Ховард, вдруг багрово покраснев и сжимая кулаки: — не вам судить о заблуждении, которое было естественно двадцать лет назад, но стало невозможным теперь, когда мы вооружены такими приборами и такими методами исследования, которые еще недавно нам и не снились.

О-Кейли понял, что сделал ошибку, но загладить ее было уже поздно. Напоминание о несбывшихся предсказаниях и торжестве его противников слишком больно задело старика.

Он вернулся к себе в кабинет и перед самым носом гостя демонстративно хлопнул дверью и повернул ключ в замке.

О-Кейли отправился домой, волнуемый самыми противоположными чувствами и смутной щемящей тоской.

ГЛАВА III

Время шло, а с ним уходили в прошлое тревоги вчерашнего дня. О-Кейли стал постепенно забывать свое беспокойство по поводу предсказаний Ховарда. Жизнь текла своим порядком, и никто не вспоминал больше о мрачных пророче-



ствах смешного старика. Правда, проскользнули сообщения о появлении в пределах солнечной системы темного облака, состоящего, вероятно, из несветящейся космической пыли, но на них не обратили внимания. Мало ли какие передраги происходят постоянно в межзвездных пространствах. Кто ими интересуется, помимо присяжных астрономов?

Да и кроме того, на Земле происходили такие события, что было не до небесных катаклизмов. Давнишнее соперничество Америки со своим соседом на Тихом океане привело, наконец, к неизбежному взрыву.

Уже гремела канонада по всему берегу от Ванкувера до Сан-Диего, уже лежала в развалинах Манилла, уничтоженная японской воздушной эскадрилей в то время, как морской флот блокировал Филиппины и видимо готовился к десанту. Уже волны Тихого океана бороздили стальные гиганты, сопровождаемые тучами аэропланов, выискивая и высматривая врага, прежде чем сцепиться с ним в смертной схватке. Уже в Сан-Франциско горели дома и склады, подожженные аэробомбами, а госпитали были полны калек и слепых, отравленных газами, а в отместку американская эскадра бомбардировала Токио... Словом, опять работала полным ходом прожорливая машина войны.

Однако, решающих ударов ни та ни другая сторона еще не наносила. Было ясно, что судьба новой схватки решится на море, и обе стороны оттягивали время, собираясь с силами и нащупывая слабое место противника.

Между тем по всему Тихоокеанскому побережью кипела лихорадочная работа. Возводились временные форты и убежища, громоздился бетон на железо и железо на бетон; строились береговые батареи, расли со сказочной быстротой новые и новые укрепления, и берег опутывался колючей проволокой, ошестинившись на протяжении тысяч километров на запад в ожидании врага.

Сюда-то маленькой песчинкой в человеческой пыли, поднятой

бурей войны, попал и О-Кейли одним из младших офицеров, обслуживавших группу береговых батарей севернее Ситля.

Уже больше месяца, как весь мир для него сосредоточился на том уголке суши, где за бетонными брустверами двигались по рельсам неуклюжие платформы, на каждой из которых примостилось по три горластых пушки, прижавшихся тесно друг к другу, а сзади глубоко вниз шли крутые ступени в подземное бетонное убежище, в котором помещалась команда.

Здесь был свой особый мир, своя жизнь, полная напряженной тревоги и ожидания. Предполагали, что японцы намерены высадиться где-то в районе устья Колумбии. Уже с неделю ходили слухи, что большая эскадра, сопровождавшая транспорты с войсками рыскает неподалеку.

В эти дни О-Кейли еще раз вспомнил о предсказании Ховарда, прочитав в обрывке газеты сведение

о черном облаке, пересекавшем орбиту Урана и двигавшемся по направлению к Земле. Заметка была написана довольно путанно, но не носила тревожного характера. Автор ее уверял, что если Земле и придется попасть на несколько часов в область этой темной чрезвычайно разреженной космической пыли, то это будет еще менее заметно, чем встреча с кометой Галлея в 1910 году. Он вспомнил черную грошину, виденную им летом в обсерватории Ховарда, и смутная тревога сжала сердце, но ненадолго. Слишком много работы было днем, и слишком крепок сон ночью, чтобы отдаваться бесцельным, ненужным мыслям. К тому же это было недели две назад. С тех пор стояла ненастная унылая погода; небо было затянуто тучами.

За неимением сведений затихли и разговоры

дира батареи, в котором слышался не столько страх, сколько злоба человека, которому помешали выполнить важное и ответственное дело.

— А чорт его знает, —



о небесном госте, и с тем большим напряжением стали ждать гостей земных.

И они, наконец, появились.

С утра дежурные миноносцы и самолеты дали знать о приближении противника.

Скоро весь горизонт затянуло дымками идущей к берегу эскадры.

Около полудня начался бой, и О-Кейли почти потерял сознание в этом диком грохоте и гаме, сотрясавшем небо, море и землю. Люди, оглушенные, ошалелые с налитыми кровью глазами и вздувшимися мускулами металась от орудия к орудиям, к зарядным ящикам, к прицельным механизмам, возились у маленьких электрических кранов, подававших тяжелые снаряды к пушкам, открывающим жадно стальные зевы и глотавшим эти куски металла с тем, чтобы через секунду выплюнуть их в огне и громе к кипящему и бурлившему морю.

А оттуда, из за плотной завесы дыма, окутавшей фронт крейсеров и дредноутов, неслись с гудением и свистом такие же куски стали, буравя землю, взметая ее вверх.

И вот тут-то произошло нечто удивительное, нечто поистине сверхъестественное.

Одно короткое мгновение О-Кейли показалось, что с востока движется с колоссальной быстротой какая-то черная стена, которая вдруг обрушилась на него абсолютным непроницаемым мраком.

В первое мгновение он подумал, что попросту ослеп. Но также внезапно наступившая тишина, в которой растерянные голоса людей звучали жалкими, одинокими всплесками, доказала О-Кейли, что случилось что-то необычайное.

Стрельба стихла мгновенно по всему фронту, и эти испуганные вопли перекликавшихся людей были отчетливо слышны.

— Какого дьявола? Что там случилось? — заревел у него под самым ухом оглушительный бас коман-

дир. ответил голос старшего офицера: — похоже на то, что пущен ослепляющий газ.

— Ну, это вы вздор несете, — ответил капитан, — ведь эта чертовщина налетела с востока, а не с моря. Да мне кажется, и их захватило, — замолчали ведь желторожие...

— Не знаю, — сказал снова старший офицер, — но если это не газ, то значит сам сатана накрыл нас своей шапкой. Я ни зги не вижу в этой чортовой тьме.

— А вот посмотрим, — гудел командир: — эй, Джонни!

— Есть, сэр, — ответил из темноты испуганный голос фейерверкера.

— Зажгите факелы для ночной стрельбы.

— Есть, сэр...

Послышалась возня, чиркнула спичка, одна, другая, зашипела загоревшаяся смола, но ни один луч света не озарил как будто еще более сгустившийся мрак.

— Ну что же вы там копаетесь? — нетерпеливо крикнул командир.

— Они не горят, сэр, — ответил жалобно Джонни.

— Что вы болтаете, пустоголовое чучело? Разве вы в них налили воды вместо горючего?

— Нет, сэр, — начал было фейерверкер и вдруг вскрикнул голосом, в котором смешались страх и внезапная физическая боль.

— Что там еще такое? Чего вы орете?

— Они горят, сэр, — плакал дрожащий голос Джонни: — я больно обжегся, но... они не светят.

Энергичное ругательство, сопровождаемое угрозой по адресу фейерверкера, было ответом на это странное заявление.

(Продолжение в следующем №).

НИАГАРА

Рассказ
Н. Славихского

Старый прокопченный поро-
хом обрывок, «Вестника Онта-
рио» от 17 августа 1897 года.
Репортер, не жалея красок, излагал
свои впечатления от необычайного
события:

«... Трибуны в зелени и флагах;
море публики. На них собрались
люди с разных концов страны. Гул
толпы теряется в грохоте водопада.
Играют оркестры, но звуков не слышно;
видно только, как у трубачей равно-
мерно надуваются щеки.

Всеобщее внимание приковано к
трем вещам: к водопаду, к сэру Мели
Уайтхеду и к итальянцу Папини.

Сэр Лесли занял свое место в
центре трибуны спокойный как всегда.

Он отдает распоряжения нотариусу,
вручает ему заранее подписанный чек
на 100.000. Наши читатели знают, что
для сэра Уайтхеда, одного из крупнейших
дельцов соединенного королевства, это
ничтожная сумма. Водопад зловеще шу-
мит как всегда. Стремительно несется
вниз обычная водяная гора, окруженная
тучами брызг.

И только итальянец... Он бледен,
как полотно. «Ваше самочувствие?» —
задал ему вопрос наш сотрудник. Он
устремил на него невидящие глаза и
ничего не ответил. Подобного пари в
Америке еще не бывало.

Вплывь через Ниагару!!!

Оркестры умолкли. Нотариус, с ли-
стом бумаги в руках, оглашает условия
пари. Наш сотрудник пробился поближе
к нему, чтобы водопад не помешал слу-
шать. Руки нотариуса дрожат. Условия
краткие; условия таковы, что даже нота-
риус изменился в лице. Но толпа при-
ветствует их ревом и рукоплесканиями.
Сейчас на ее глазах, маленький италья-
нец делается добычей «высот грозного
шума», как называют Ниагару индейцы.

Итальянец должен сойти в Ниагару
с Козьего острова, который, как каменный
гребень, выдается над ее пенистой гри-
вой. Забитый наглухо в большую деревянную бочку,
он понесется к водопаду, он рухнет вниз с бе-
шеноей высоты, на гигантские камни, про-
свечивающие среди солнечной пены.

Это самоубийство стоит 100.000.

«Даже в том случае, — говорится в усло-
вии х пари, — если Джузеппе Папини не останется
в живых, сэр Лесли Уайтхед обязуется
уплатить всю сумму 100.000 долларов его жене».

«Итак, ваши впечатления? — спросил еще
раз наш сотрудник безумца.

Тот, ничего не ответив, зашагал по направле-
нию к верховью Ниагары, к Козьему острову. Толпа
кинулась за ним, покидая трибуны. Только сэр
Лесли спокоен: он знает, что петля затянута хорошо,
и не торопясь ожидает развязки. Ср ди других за италья-
нцем бежит спотыкаясь худая женщина в черном поно-
шенном платье, она изредка выкрикивает несвязные слова.
Два полисмена, по приказанию сержанта, задерживают
ее, так как:

Рисунки
М. Колесникова

«Поведение мистрис Папини может
расхолаживающе подействовать на публи-
ку». Но публику могло бы расхолодить лишь
одно, — если бы Ниагара в этот момент
перестала существовать. Вместе с женщи-
ной в черном была задержана и отстранена
с дороги толпа, стремящейся вслед за италья-
нцем, высокая черно-волосая девушка с оливко-
вым лицом.

Это дочь итальянца, Марианна Папини.

Толпа достигла Козьего острова и ринулась
на легкий Стальной мост. Если бы не энергич-
ные усилия полиции, то в Ниагаре мог оказаться
не только один итальянец.

Вот — бочка, основательная, черная, скреплен-
ная массивными обручами. От нее пахнет веселым
вином. Папини погружается в бочку; она так вы-
сока, что видны только его плечи. Голова повара чи-
вается во все стороны, отыскивая кого-то. Вероят-
но, жену и дочь. Папини поднял руку и помахал
ей в воздухе.

На бочку накладывают верхний круг и за-
колачивают молотками.

Кажется, что даже водопад теперь стал глу-
ше шуметь; звук молотков слышен отчетливо.
Даже всегда спокойный сэр Лесли не выдержал, —
его фигура поднялась над трибуной.

Несколько человек навалились на бочку, и
она всплеснув опрокинулась в воду. Плывец!
С каждым мгновением все быстрее и быстрее.

Толпа устремилась вперед вдоль по берегу.

Через несколько минут все решится»...

На этих словах газетный обрывок
кончился. Хитроумный издатель «Вест-
ника» решил, что за 5 центов он дал
читателю достаточно; а о том, как бочка
разбилась, предложил читать «в эк-
стренном выпуске, который будет про-
даваться через час».

— Где же этот экстренный вы-
пуск? — спросил Том Кнолль, с которым
мы жили и работали вместе на экскава-
торе № 117. — Вот так всегда они, эти
газетчики, заинтригуют и до свиданья,
до вечера. Гоните еще пятачок...

— Откуда мне взять этот экстрен-
ный? — ответил я. — Попробую посмо-
треть в «библиотеке».

«Библиотекой» назывались у нас
стрелянные ружейные гильзы, в которых
сохранились пыжи, сделанные, главным
образом, из старой газетной бумаги.
Когда нам хотелось читать, мы добыва-
ли их, разворачивали и узнавали «ново-
сти», коричневые от времени и порохо-
вого дыма.

Но сколько я ни рылся в «библио-
теке», ничего мне найти не удалось;
судьба итальянца осталась нам неизве-
стной.

— Вот негодяи! — проворчал Кнолль
сплевывая.

— Впрочем, с «высотами грозного
шума» шутить не приходится. Конечно, он погиб, а жена
получила доллары. И за каким дьяволом люди рискуют?

Мы с Кноллем работали на одном экскаваторе с первого
же дня строительства на Ниагаре. Была у нас комната из
рифленого железа, приделанная к экскаватору, с порога ее

в ясные дни было отчетливо видно чуть ли не все строительство, до его крайних пределов. Идеально налаженная машина волокла свои цепи с ковшами, высыпала камни, плелась болотистой жижей.

Был вечер. Экскаватор молчал. В раскрытую дверь виден был обширный поселок. Вереницами дуговые фонари загорались: вдали продолжали набухать и расплываться молочные белые одуванчики. Это динамитные взрывы. Смена землекопов шагает по направлению с сахуну, где их ожидали карты и выпивка. Все это очень привычно: все это так же, как два года тому назад, когда мы пришли сюда за работой.

Ирландцы, итальянцы, канадские лесорубы, белорусские землекопы, французы, а также значительное количество людей, которые неохотно говорили о своей национальности и о своем прошлом, — целая армия в 27.000 человек собралась сюда взнуздывать Ниагару.

Сперва брали всех, но после этой цифры стали принимать лишь в исключительных случаях. Я отчетливо помню, как в самом начале, когда в районе Козьего острова был взорван первый каменный массив, главный инженер строительства, кричал нам в рупор, о том, как мы отберем у Ниагары одну за другой все ее четыре миллиона лошадиных сил, как мы ее запрежем и взнуздаем, как она «отведает нашего кнута». Строительство было рассчитано на пять лет. «Пять лет вы будете получать по два доллара в день на человека, ребята», — кричал Карпентер, багровый от напряжения. «Компания не забудет никого из тех, кто ей был полезен».

Через год компания «позабыла» даже заплатить семьям тех, кто погиб при взрыве в донном туннеле. На этот раз Карпентер, разговаривая с выборными по этому поводу, почти не повышал голоса и обходился без рупора, и тогда мы увидели, что Ниагара уже не ревет, а мурлычет. И тогда же нам сделалось очевидно, что вся работа будет закончена раньше назначенного срока.

Компания начала свертывать работы и целая смена получила сегодня расчет. Им было предложено в 24 часа покинуть территорию строительства, с обычным в таких случаях обязательством «не останавливаться ближе, чем за 100 километров от места, в котором получил увольнение».

Старых рабочих увольняли и вместо них набирали других. Новичкам можно было платить в два три раза меньше. Сегодня утром Кнолас получил расчет и мы с ним растались.

Я сидел на пороге нашей комнаты и думал о том, что на завтра и меня ждет эта же участь.

Смит, десятник, проходя мимо, крикнул мне, чтобы я «подобрал пузо», так как здесь скоро проедет какая-то комиссия от акционеров: и во главе ее «сам» Лесли Уайтхед.

— Лесли Уайтхед! Где я слышал это имя?

— Здесь № 117, мистер? — раздался у меня над ухом надтреснутый голос.

Передо мной стоял маленький черненький человечек, со зловонной сигарой в углу рта державший руки в карманах. За ним стояла женщина в рваном платке и девочка лет де-

сяти, худенькая и грязная. В руках у девочки был тяжелый ящик, из которого торчала ручка топора.

— Вас спрашивают, здесь 117 номер? — повторил незнакомец. — Меня назначили сюда вместо мистера Кнолла. Ну-ка, посторонитесь, я пронесу мои вещи.

Девочка, закусив губу от натуги, принялась поднимать ящик на лесенку, ведущую к двери. Я взял у нее этот ящик и швырнул его в железную комнату к кровати, на которой накануне лежал Кнолл. Девочка торопливо скользнула туда же, а за ней поднялась женщина. Мужчина остановился у двери и начал обозревать то, что делается кругом.

«Вид здесь очень не важный», — изрек он свой приговор. Этот человек показался мне в высшей степени неприятным.

— А эти откуда? — спросил я, кивнув в сторону его спутниц.

— Мое семейство, — ответил он. — Дочь и жена. Они со мной будут жить.

— Только этого не хватало! Тут и двум-то повернуться негде. С ума вы сошли!

— А куда их девать? — зашипел он. — Я сам знаю, что здесь не отель. Было время, когда я в отеле «Мажестик» занимал чуть не целый этаж, но теперь это мне, как видите, не по средствам. Придется как-нибудь потесниться.

— Чорт знает что! Я их выкину, — объявил я решительно.

— Если у вас поднимется рука на женщину и ребенка... Но здешний вид меня угнетает, прямо не на что смотреть...

И прежде, чем я успел выразить свое окончательное мнение об его вторжении, он успел сообщить, что «здесь все изгадили этим строительством», что когда он «в 1897 году видел Ниагару впервые, она была совершенно иная». Должен сознаться, что поведение этого наглеца было таково, что вышибло у меня из головы даже воспоминание о моем погибшем товарище. Я решил, что надо положить конец этому безобразию. Я и поднялся, намереваясь поговорить с ним всерьез, но буквально застыл при виде того, что наделало в моей комнате его семейство.

Со стены, прикрепленный прямо над кроватью Кнолла, на меня смотрел портрет моего нового жильца таких размеров, что голова его даже не поместилась и перегнулась на потолок. На огромном листе бумаги, сверху этого портрета была напечатана надпись огромными буквами: «Самый храбрый человек в мире»... Портрет и надпись имели какой-то тусклый потрепанный вид.

Черный несколько минут смотрел на свое изображение:

— Повешено ровно. Что вы об этом скажете, мистер?

— Вы, вероятно, раньше ездили с бродячим цирком? Это ваша афиша? — ответил я, забыв о своем намерении выгнать наглеца.

— В цирке? Нет, это было несколько покрупнее. В цирке так не рискуют...

А женщина с девочкой окружали этот портрет какими-то листочками, газетными вырезками, которые добывали из ящика. На каждом листочке мелькали крупнейшие крикливые заголовки, и под каждым красовался тот же портрет, в уменьшенном виде. Я не выдержал, подошел ближе и прочитал имя: «Папини», «Джузеппе Папини»... Где я его видел недавно.

Вырезка без портрета, — «Вестник Онтарио»; вот кто этот Папини. Мы с Кноллом узнали о нем вчера из нашей «библиотеки пыжей». Значит, он не погубил! На листках я читаю: «Он сделал то, на что ни один человек не отважился бы»... «Он победил Ниагару»... «Он получил 100.000»...



Победил Ниагару?!

— Вы удивлены, мистер? — заскрипел над ухом Папини. — Это я сделал в 1897 году. Вы слышали об этом? Впрочем, где вам слышать, — тогда вы были, вероятно, совсем желторотым мальцом...

Девочка вынула из ящика топор и другие инструменты, обычные у каждого рабочего; женщина осторожно развесила на гвоздях холщевый грубый костюм и объяснила: «В нем Джузеппе был в тот день»... Затем она развела огонь и стала что-то жарить. Мне оставалось лишь покориться.

Какие могут быть споры с самым храбрым человеком вселенной!

Через полчаса мы поглощали кушанье из макарон, приготовленное женой итальянца. Для первого знакомства я выставил бутылочку. Папини принялся целовать свою девочку: «Если бы вы знали, какой это золотой ребенок... Я неудачный, я скверный отец... Был случай, когда я хотел им помочь одним ударом, я думал не о себе... Тогда эта девочка еще не родилась, у меня была другая дочь»...

— А где Марианна? — перебил я, вспомнив до мельчайших подробностей заметку в «Вестнике».

Папини пил, и речь его стала запутанной и несвязной.

Он рванул одну из вырезок со стены:

— Вот он... Видели вы когда-нибудь более жуткого человека?

Передо мной был портрет благообразного, осанистого джентльмена, с аккуратными бакенбардами с большою, выделяющейся даже на газетном клише, жемчужиной в галстуке, закрывающем все горло до подбородка. «Лесли Уайтхед», — опять это имя! Над ним: «Человек, который заплатит 100.000!»

В льстивой заметке под этим изображением сэр Лесли именовался «оригиналом» и «чудаком». Но то, что о нем было рассказано, свидетельствовало, что Уайтхед — не безобидный чудак; все его поступки были насыщены каким-то холодным и кровавым любопытством. Когда Китченер расправлялся с махдистами, сэр Лесли, еще совсем молодой человек, был там, но не в качестве офицера. Его влекла любовь к сильным ощущениям; этот человек «видел много крови, море крови». Во время сицилийского землетрясения, сэр Лесли бросил все свои дела в Лондоне и помчался на раскопки жертв стихийного ужаса; им всегда «руководил напряженный интерес к той грани, где жизнь сменяется смертью». Я не вполне понимаю смысл этих газетных напыщенных выражений. Он видел, этот скучающий англичанин, неутомимый путешественник, как люди погибают в шахтах во время взрыва, видел исторические пожары и землетрясения.

— Холодное животное, — стучал пальцем по его портрету италья-



янец. — Таскался повсюду, чтобы согреть свою рыбью кровь. С него я и сорвал тогда сотню тысяч.

— Как это вам удалось? — не выдержал я. — Среди ваших вырезок есть, разумеется, экстренный выпуск «Вестника Онтарио», тот, в котором было напечатано, как вы закончили путешествие в бочке...

— Погодите, сперва о том, откуда взялось наше пари.

Что мог почувствовать сэр Лесли Уайтхед, когда он впервые стоял на стальном мостике, висящем над Ниагарой? Его заинтересовало не это волшебное зрелище, не красота стихии, пронизанной солнцем, а громадное кряжистое дерево, которое водопад с корнями выворотил где-то на берегу и нес, отламывая ветку за веткой. Все кончилось в несколько секунд, — дерева как не бывало. В бесцветных глазах англичанина что-то мелькнуло:

— А если бы это был человек? — произнес он. — Это было бы любопытно...

В отеле он навел справки, часто ли бросаются в водопад, бывают ли несчастные случаи. Статистика была для него не утешительной. Такие случаи бывают раз в несколько лет. На следующий же день сэр Лесли поместил в газетах свое предложение. — Сто тысяч тому смельчаку, который возьмется переплыть через Ниагару около Козьего острова, там, где водопад свирепее всего.

Сотню тысяч за удовольствие сэра Лесли.

Вызов был повторен несколько раз, перепечатан в других газетах. Но никто не откликнулся. Лесли уехал охотиться на козюль в Аллеганы, — ему говорили, что там бывают весьма любопытные случаи. Часто человек, оступившись на предательской тропинке, летит в пропасть.

Папини в это время с женой и дочерью бедствовал в Балтиморе. Они прошли все стадии голода. Девочка умирала: врач для бедных рекомендовал, как единственное средство спасения, путешествие в Калифорнию, к солнцу, на океанский курорт. Но курорт для бедных там не существует.

Папини давно уже начал задумываться над тем, чтобы положить конец такой жизни. «Если на последние гроши купить угольев и угореть, то это будет самым простым и естественным», — решил он. И купив угольев он возвратился с пакетом в ту щель, где они тогда ютились. Марианна и мать лежали неподвижно, обессиленные голодом: лежали с открытыми глазами, но не видели ничего. Приготовления были закончены, стоило только закрыть двери на крючок и поднести спичку...

Но тут дверь распахнулась и влетел какой-то сосед, с негодующим воплем: «Что выдумал этот мерзавец, кого он рассчитывает поимать?»...

Сосед только что прочел о предложении сэра Лесли и побежал поделиться с Папини своим негодованием. Папини спрятал спички в карман.

В тот же день он исчез. Жена, очнувшись, нашла возле себя на полу бумажку в 10 долларов, там же была записка от мужа: «Не волнуйся, уезжаю делать деньги». Несчастная женщина переполошилась. Она не подозревала, что деньги эти были получены от английского консула, который был крайне счастлив, что может, наконец, выполнить каприз своего именитого соотечественника.

Консул послал сэру Лесли телеграмму: «Сумасшедший нашелся».

— Так это вы? — разочарованно протянул сэр Лесли, созерцая щуплую фигурку итальянца. Он хотел бы получить за свои деньги более внушительного человека, напоминающего тот крижистый дуб, при виде которого возникала эта идея. Но после некоторого молчания сэр Лесли сказал:

— Хотя вы и не вполне стоите ста тысяч, но слово есть слово. Раз я не предусмотрел подробностей о весе и мускулатуре, то пари будет принято.

Газеты подняли немедленно гвалт: «Пари принято», «безумец нашелся». Тогда-то успели напечатать и тот громадный портрет Папини, который закрыл почти всю нашу комнату.

Было заключено нотариальное условие, англичанин внес деньги. В договоре было сказано: «Если Папини останется в живых, они будут выплачены ему, если погибнет — его семье». Конечно, он меньше всего рассчитывал уцелеть.

— Как же вы намерены осуществить свою затею? — спросил Папини один из не остававших от него в эти дни журналистов. — Вплыв? В челноке?

— Я это сделаю в бочке, — ответил Папини, который предварительно обдумал все подробности своего путешествия.

— В бочке? Сенсационно!

Но это была не «сенсация», это объяснялось испугом. Папини хотел избрать такой способ гибели, чтобы Ниагара была от него скрыта со всех сторон, совершенно, до самой последней минуты. Пусть его заколотят заранее в гроб... Лицо Папини искажается, губы дрожат. Он рассказывает мне о своем последнем свидании с дочерью и женой, когда те примчались к нему из Балтимора прощаться. — Жена ваялась у него в ногах, умоляя отказать, бежать. Не нужны ей эти проклятые доллары. Папини, сам весь белый от ужаса, уверял, что ему «ровно ничего не грозит; если сумасшедший англичанин не знает, куда девать свои деньги, то было бы нелепо отказываться». Женщина кинулась к англичанину, тот ее не принял.

Публика, фотографы, журналисты... Сенсация!

— Значит, вы уцелели? Но как же вы уцелели?

— Все можно объяснить, — произносит Папини. — Даже то, что совершенно необъяснимо с первого взгляда. В экстренном выпуске «Вестника Онтарио» было сказано, что бочка пронеслась по той же самой дороге, по которой индейцы, охотники за лососями, спускали свои пироги через водопад. Такой путь действительно существовал, но секрет его впоследствии был потерян.

— Ваши впечатления? — задал вопрос показавшемуся из бочки итальянцу интервьюер с исписанным блок-нотом. Ответа он не дождался, но настроил: «Пустяки, легкая встряска...»

Толпа, завывая, несет итальянца на руках в отель.

Туда же полицейский сержант, с сотнею извинений, доставил потом и жену с Марианной. Жена кинулась к Папини и зарыдала. Марианна села, сторбившись, в угол, не произнеся ни звука: глаза у нее не изменили своего оставившегося выражения. Папини бормотал:

— Все кончено, теперь мы богаты...

Явился лакей, посланный сэром Лесли, приглашая на ужин, устроенный в честь героя.

— Пусть идет к дьяволу, — завопил итальянец.

Вечером они уехали в Калифорнию, на берег океана, но было уже поздно. Потрясение оказалось сильнее, чем солнце и воздух. Марианна погибла.

Деньги не помогли. Деньги не сохранились. После смерти дочери Папини начал бешено пить и играть в карты, — для того и другого есть множество мест на калифорнийском курорте.

К моменту рождения второй дочери он был почти так же беден, как и до своего путешествия через водопад.

* * *

Он рассказал мне все и замолк.

Мимо, разгоняя сумерки светом фонарей, промчалось несколько мотоциклеток, за которыми следовал громадный автомобиль со сгорбленным, закутанным в мех, несмотря на теплый день, человеком. Судя по количеству охранников, сопровождавших его особу, это был человек очень важный. Папини кинулся к двери и начал сыпать проклятиями:

— Ведь, это он! Сэр Лесли!

— Да, это он, — подтвердил я, вспомнив то, что слышал от охранника Смита. — Лесли Уайтхед, главный акционер строительства.



Папини затрясся:

— Опять Ниагара, и опять англичанин.

С момента появления комиссии на строительстве, строгости удесетерились. Охранники рыскали всюду и совали носы. — Откуда взялась эта девчонка? — раздался грубый окрик. — Эй, кто там есть, отвечайте!

Мы вышли и увидели Смита, который застал дочь Папини за стиркой белья.

— Дочь? — кричал он. — Какое мне дело до дочери? Бабу здесь не место. Семейные пусть убираются...

К вечеру Папини исчез. Ночью промчались охранники с фонарями, и за ними тот же автомобиль с закутанной фигурой. В семи километрах от этого места к берегу прибило обезображенный труп, — это был, конечно, Папини.

От Ниагары он не ушел...



ТОТ, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ

Рассказ Льера Лилля



Рисунки Т. Фитингофа

Его звали Муту-Апу-Киди-Но,—«тот, который знает, где водятся тюлени», но в рассказе этом мы будем называть его просто-напросто Муту-Апу—«тот, который знает».

Муту-Апу был эскимос.

Муту-Апу родился у устья реки Макензи, на самой северной окраине Америки, в одной из наиболее мрачных местностей земного шара. Ростом он был невелик, приземист, с короткими, толстыми руками и не менее толстыми ногами. Несмотря на молодость лет, он обладал заметно округленным брюшком,—вероятно вследствие постоянного потребления рыбьего жира. На уши его спускались густые пряди сальных жестких и черных как смоль волос. Лицо было круглое, несколько приплюснутое у лба, глаза маленькие, глубоко сидящие в орбитах, нос тоже приплюснутый, толстые губы, большой рот, а цвет лица походил на плохо вычищенный медный котел. Одним словом, это был, ни дать, ни взять, настоящий эскимос, и женщины его племени находили его чрезвычайно привлекательным. Одна из них наметила его с юношеских лет себе в мужья, но потом взяла лишь вторым мужем, ибо взгляды у них на брак весьма широкие. Богатые мужчины—иными словами владельцы нескольких лодок и гарпунов—имеют несколько жен. Состоятельные женщины, я хочу сказать те, которые умудрились скопить внушительное количество тюленьего жира, в свою очередь, не довольствуются одним мужем. Такое положение у них считается вполне нормальным, об этом Муту-Апу, в простоте душевной, рассказал норвежскому пастору Эриксену, старавшемуся обратить в христианство его племя. Однако почтенный пастор не достиг никаких результатов. Ему не удалось наставить на другой путь этих инородцев. Что он мог сделать, если колдуны продавали чары, способствовавшие обильному улову рыбы, тогда как благочестивый европеец рекомендовал в таких случаях полагаться исключительно на господ бога.

У Муту-Апу, как и всех его одноплеменников, была двойная мораль: летняя и зимняя. Зимой полагается жить совершенно голым, в глубине огромных, вырытых в снегу погребов, нагреваемых большими масляными светильниками настолько сильно, что ношение меховой одежды становится нестерпимым. Мужчины и женщины живут в этих погребах попеременно, как братья с сестрами. Одновременно рекомен-

дуется как можно меньше есть и двигаться, но зато как можно больше спать, дабы экономить пищевые продукты.

Летом, наоборот, обычай требует возможно большего пребывания на воздухе или же в шалашах, сооруженных из китового уса и обтянутых кожей. Вследствие изобилия дичи и рыбы поощряется и даже повелевается усиленно питаться—съедать ежедневно не менее четырех-пяти фунтов мяса.

Однако зимой Муту-Апу не удавалось, вероятно по юности лет, спать так много, как от него требовал обычай. В такие часы бессонницы он, с помощью тоненького кремневого резца, вырезал на пластинке китового уса или на моржевом клыке различные изображения. То были сцены из его охот и рыбной ловли и на них легко можно было узнать его самого с кожаным «каюком» на спине.

Иной раз это были изумительные по тонкости и сходству изображения животных и людей. Вот почему ему так нравились некоторые книги благочестивого миссионера: ведь большинство из них были иллюстрированы. В них были изображены мужчины и женщины, то одетые в какие-то странные наряды или полураздетые «в период зимней морали», как полагал Муту-Апу, то одетые точь-в-точь как сам пастор и в такой же высоченный шляпе, какую он изредка надевал даже у северного полюса. Муту-Апу казалось, что хотя это и живые люди, однако они не способны охотиться. Потому в его глазах они представляли меньший интерес, нежели те животные, изображениями которых пестрели другие книги пастора Эриксена. Некоторые из этих животных казались ему небывалых размеров, другие были необычайного вида. Ничего удивительного: если в книге были воспроизведены допотопные животные. Муту-Апу решил, что звери эти встречаются на родине миссионера так же часто, как белые медведи и моржи на севере. Это обстоятельство произвело на него глубокое впечатление.

Каков должен быть рай, где можно охотиться за такими прекрасными животными! Он мечтал о них в своей снежной пещере, храня в памяти своей их чудный образ.

С наступлением полярной весны скончался пастор Эриксен,—он не вынес сурового климата. Муту-Апу искренно горевал о нем, ибо делал в душе заветную мечту сопровождать его на юг, с тем, чтобы там увидеть воочию столь диковинных зверей, а если можно, то и поохотиться на них. Ему хотелось, по крайней мере, сохранить ту книгу, где они были изображены, но колдун племени, считая пастора тоже колдуном и своим конкурентом, потребовал, чтобы вся библиотека его была зарыта вместе с ним. Поэтому он приказал обложить труп книгами, и могила приняла вид пирамиды, или вернее кургана. Только одежда пастора да кухонная посуда были розданы виднейшим из племени. Бедный Муту-Апу ничего не получил, он был лишь вторым мужем своей жены.

Однако, представление о роскошной охоте на юге не переставало пленять его воображение. Когда, наконец, весна полностью вошла в свои права, а солнце стояло на небе в течение нескольких часов, когда, к удивлению всех, даже чахлый, прозимовавший под снегом, шалфей раскрыл свои лепестки, Муту-Апу стал тайно от всех собираться в путь.

Иными словами он привел в порядок те несколько гарпунов, которые составляли его личную собственность, и украл у жены изрядное количество сушеного тюленьего мяса, рыбьего жира и в одну прекрасную лунную ночь исчез.



Муту-Апу плыл несколько месяцев вниз по реке Макензи. Вначале он должен был пережить, не было прохода от больших льдин, не успевших еще растаять под лучами весеннего солнца. Затем пришлось тащить каюк на спине, чтобы избежать водоворотов, в которых он, несомненно, погиб бы, несмотря на умение плавать, как рыба. Во время стоянок он удил рыбу, охотился и увеличивал свой дорожный провиант. Таким образом, ему удалось застрелить несколько оленей и лосей. Животных этих он знал только по картинкам в книгах пастора Эриксона. Это упрочило в нем уверенность, что, продвинувшись дальше, он найдет и всех остальных.



Днем ли, ночью ли, на яву или во сне — ему одинаково казалось, что он их уже видит перед собой; он живо представлял себе, каким образом он их будет приканчивать: одних — хитростью, других — ловкостью и силой. И как бы для того, чтобы избавиться от этих галлюцинаций, он вынимал резец из висевшей у него на поясе засаленной кожаной сумки, служившей для хранения всех его драгоценностей: верной рукой вырезал заманчивые формы, навеки запечатлевшиеся в его памяти.

По прошествии нескольких месяцев он прибыл, наконец, к берегу Ледовитого океана. Многие из его одноплеменников уже побывали здесь, но перед глазами Муту-Апу предстало небывалое зрелище: на берегу океана появились белые.

На безлюдной местности вырос, как из земли, большой город. Несколько тысяч европейцев проживало в этом городе, и все они горели одним желанием пробраться вглубь страны,

кожаной сумки все свои остальные сокровища, но отложил в сторону, как не представляющие по его понятиям никакой реальной ценности, терпеливо выгравированные им на кости изображения животных...

Как раз в это самое мгновение, в это, можно сказать, мгновение из мгновений, на него обратил внимание мистер Беллингтон. М-р Беллингтон был не только известным географом, но он уже лет десять-пятнадцать был занят решением сложной проблемы, связанной с вопросом о доисторическом периоде. Наука эта является во многих отношениях весьма загадочной, подобно интересному, фантастическому роману. Никогда нельзя знать наверняка, находишься ли в области реального или, наоборот, самой широкой фантастики. Имеются налицо факты, но они подобны островкам в океане, являющимся наивысшими точками какого-нибудь исчезнувшего материка, затопленной Атлантиды, о которой никогда больше ничего не будет известно. Доисторический период — это опиум ученых...

Вот почему, очутившись случайно в том же магазине, м-р Беллингтон сейчас же обратил внимание на небрежно брошенные на прилавке произведения искусства бедного Муту-Апу. При виде их этот почтенный ученый не мог удержаться крика изумления и восторга, в надежде на открытие, могущее на-веки обесмертить его имя! В том, что этот дикарь, этот несомненный эскимос сумел гравировать с таким неоспоримым талантом несущихся во весь опор оленей и лосей, не было в сущности ничего удивительного. Все эти млекопитающиеся, населявшие во времена каменного века среднюю Европу и Америку, перешли затем к северу, где и существуют до нынешнего времени. Эскимосы и индейцы арктических стран их отлично знают и охотятся на них. Но вот это гигантское животное, воспроизведенное на тюленьей лопатке с таким реализмом и мастерством и обладающее огромным, доходящим до земли хоботом, поросшее густым, жестким волосом, с большущими клыками, было мамонтом, да, вне всякого сомнения, настоящим мамонтом! А ведь известно, что мамонты существовали вплоть до современной геологической эпохи. Разве труп одного из них не был обнаружен в Сибири в начале XIX века, труп, так прекрасно сохранившийся среди льдин, когда местные рыбаки долго питались его замороженным мясом; разве чучело его не хранится до сих пор в Ленинградском музее?

Однако здесь было, повидимому, нечто большее: этот эскимос видел своими глазами мамонта, живого мамонта, — иначе он не мог бы изобразить его с таким реализмом!

М-р Беллингтон проявил бездну великодушия. В обмен на то, что можно было бы назвать «собранием картин из



естественной истории», он преподнес Муту-Апу вместе с пле-нявшим его будильником прекрасную игрушечную шарманку. Кроме того, м-р Беллингтон знаками объяснил, что прикрепляет его к своей особе и обещает кормить целыми днями. Ученый географ вычитал где-то, что прожорливость эскимосов беспредельна, и твердо решил не жалеть ничего для удержания подле себя очевидца столь неслыханного зоологического чуда.

Закончив торг он занялся допросом Муту-Апу. Но дело это было нелегкое. Во всем городе нашелся лишь один переводчик-метис, помесь эскимоса с краснокожим, который с грехом пополам понимал язык Муту-Апу.

Муту-Апу давал показания с полной готовностью: он ведь не менее самого Беллингтона мечтал увидеть мамонта и тайно надеялся, что этот белый покажет его. Когда Муту-Апу спросили, где он видел мамонта, которого вырезал на кости, то он рассказал все, без малейшей утайки. Переводчик, плохо усваивавший его слова, понял приблизительно следующее: что это животное показал Муту-Апу на его родине какой-то великий клдун.

М-р Беллингтон поспешил довести показания «очевидца» до сведения Лондонского географического общества. Сообщение это произвело невероятную сенсацию; заслушав сообщение все были убеждены, что мамонты существуют до сего времени, а если и не мамонты, то, во всяком случае, один мамонт, и находится он в какой-то гиперборейской местности у устья реки Макензи и что один эскимос этого мамонта видел.

Подписной лист для организации научной экспедиции с целью исследовать местность и найти мамонта, — порода каковых считалась до сих пор исчезнувшей, — и привезти его живым или мертвым в Лондон немедленно покрывался подписями. Известный лорд Мельвиль, заядлый охотник и большой любитель памятников доисторического периода, пожертвовал десять тысяч фунтов стерлингов, объявив к тому же о своем личном участии в экспедиции.

Однако среди подписчиков было не мало бедняков, внесших свою лепту в виде нескольких шиллингов и пенсов.

Экспедиция, руководимая лордом Мельвилем, весной прибыла в Сеттль и была встречена мистером Беллингтоном и Муту-Апу, сильно располневшим за это время. Представители города устроили в честь прибывших почетных гостей банкет. Было выпито много шампанского и еще больше виски. Муту-Апу напился вдребезги: отныне он твердо уверовал в превосходство спиртных напитков над рыбьим жиром. Кроме того, он знал теперь способ добывания их, ибо обладал кошельком, туго набитым золотом, заработанным им от продажи копий с изображения знаменитого мамонта, которые у него на-расхват покупали члены научной экспедиции.

Наконец экспедиция двинулась в путь. Лорд Мельвиль — несчастная жертва науки и любознательности — умер в дороге от цынги. Трое других членов экспедиции отморозили себе руки и ноги. Но м-р Беллингтон, не взирая ни на какие прегатствия, неустрашимо шагал вперед, движимый и как бы внутренне согреваемый представлением о той бессмертной славе, которая ожидала его впереди.

В один прекрасный день Муту-Апу привел его и остальных членов экспедиции, — как изувеченных, так и здоровых, — к груде камней и произнес радостным, спокойным голосом:

— Вот здесь!

М-р Беллингтон, не страдавший ни разу от холода за четыре месяца, в течение которых длилась экспедиция, почувствовал, что кровь застывает в его жилах.

Неужели мамонт был мертв и погребен? Увы, его разочаровало суждено было стать еще горше. Сильными ударами кирок удалось разрушить курган, сооруженный самоедами. Замерзшее и совершенно нетронутое тленное тело Эриксона покоилось там, окруженное книгами. Муту-Апу взял одну из них, перелистал ее уверенной рукой и, наконец, торжественно указал пальцем на изображение мамонта. Действительно, мамонт был тут как тут между страницами 220-й и 221-й.

Эта невероятная история достоверна от слова до слова. Вы можете, если желаете, почерпнуть все сведения о ней в английских газетах.



ГОНЩИК ПОНЕВОЛЕ

Гигантский рост автомобильной промышленности во Франции нуждается все в новых и новых рекламных средствах. Автомобильные салоны, электро- и радио-рекламы, кино-рекламы, скользящие по стенам домов самых людных улиц и, наконец, светящиеся рекламы на фоне неба — все это является, очевидно, недостаточным. Нужно бить по самому слабому месту. Во Франции, в этой вырождающейся стране, особенно развита любовь к детям. Понижающаяся с каждым годом рождаемость заставляет французов дрожать над жизнью каждого ребенка; перед детской коляской останавливается движение в самых оживленных районах, детям уступают места в трамваях, автобусах и поездах и т. д. И предприимчивые фабриканты решили использовать эту болезненную любовь к детям в виде рекламы. Изображенный на этой фотографии трехлетний мальчик участвовал в автомобильном состязании на одном из крупных велодромов Парижа. Несчастный ребенок добыл победу, развив скорость до 60 км в час. В награду за свои труды юный чемпион получил букет цветов от покровительствующей автомобильной фирмы.





Рассказ К. Боголюбова

Рис. М. Хоролева

Подковы падали в пыль мягко, как в шерсть. Лошади шли повесив головы и даже не отмахиваясь от оводов.

Ты, голубка сизокрыла,
Научи меня лета-ати...

— завел Вася, но сразу же смолк, тоскливо покачав головой:

— Сухота у меня в глотке.

— А едем мы к дьяволу, — добавил Афанасьич.

К жаре и седлу он был непривычен и злился. Раньше он служил в этих краях поваром у какого-то негоцианта, а родом был из Ростова. Чтобы попасть на родину, он на-днях примкнул к отряду Воротынского. Посланный на разведку отряд затерялся в глубоком тылу и который уж день кочевал по степи. Воротынский хотел обогнуть фронт справа, но пока это не удавалось. На хуторах сообщали, что белые впереди, и приходилось продвигаться все дальше и дальше вглубь.

Теперь отряд тащился на север по заброшенному проселку. Проселок пересекал железнодорожную линию. Рельсы сверкали и казались белыми. Приподнявшись на стременах, Вася оглядел сизую степь и плюнул.

— Нету людей, — одно полотно.

— Селение будет поправее, — возразил Афанасьич. Эти места были ему хорошо знакомы. — Разъезд Целибеевка. Начальником там Иван Иванович Лайхинен, мой приятель. Рельсы потонули в пыли. Опять закачались на седлах люди, держа путь к северу.

Вскоре отряд наткнулся на какой-то хутор. Пока ребята возились с конями, Воротынский сидел на пороге хаты, раздумывая: что делать дальше. Выходило одно — ехать. Куда? Поперек сапога упала густая, как деготь, тень. Это подошел Вася.

— Соскучились мы, товарищ командир.

— Ну и что ж?

— Мотаемся, как щепка в проруби. Сделать бы что...

— Сделать? Покажи-ка ты лошадей. — Они направились на другой конец двора, где у забора были привязаны кони.

— Одры, — сказал Вася, потрепав своего мерина. — На таких только шагом и ехать. Даже рыси не выдержат.

Воротынский нагнулся и взял клоч сена. Запах мяты и тмина щекал в носу.

— Почему же они не едят? — Хороший корм.

— Устали до-нельзя и не жрут, — огрызнулся Вася,

осерчав на коней, на себя, и как бы с досады добавил: — Поезд бы со снарядами с рельс скинуть. Стыки, например, развинтить...

— Нельзя, — сказал Воротынский строго. — Увидят работу, — возьмутся за мужиков. Те нас не выдают, пока их не спрашивают. Знаешь, как спрашивают?

— Ну, ясно... Берут в кулаки...

— Хорошо. А как мы уйдем на наших одрах? Тут нам и крышка. А поезд спустить хорошо. — Воротынский вспомнил далекое время, когда он — помощник машиниста — обхаживал паровоз с масленкой в руках. Сам командарм железнодорожное дело знает не лучше его. Например, разные уставные положения... А отряд приуныл. Если он, Воротынский, хочет вывести его целым и невредимым, нужно что-нибудь предпринять. Минута раздумья:

— Позови, Вася, Афанасьича.

Афанасьич в избе беседовал с хозяином. Каждый по очереди ставил вопрос, ударял кулаком по столу и, отвернувшись, ожидал ответа. Спор был о меринах. Старик их хвалил, Афанасьич ругал. Вася покончил все препирательства:

— Овцы — дело простое, — шерсть и шерсть. Иди к командиру.

— Что скажете, Евгений Иванович, — спросил Афанасьич.

— А вот сначала спрошу, что ты скажешь?

— Настоящего мало скажу, Евгений Иванович. Эшалон за эшалон так и идут. А начальник прежний — Иван Иванович и при нем дежурный в чине штабс-капитана.

— Что же, там всего два человека и есть? Ведь станция...

— Станция, — в голосе Афанасьича было презрение. — Переносный бивак одним словом. Строен из тесу, крыт камышом. А Иван Иванович — и телеграфист, и стрелочник, вся прислуга единолично.

— Пьет он?

— А как же-ж, — Афанасьич сдержанно, краешком губ, усмехнулся: — Пьет, как и прочие. Еще перед нашим приездом к деду здешнему за самогоном присылал. Ну только дед не дал, — боюсь, говорит.

— Так, — усмехнулся Воротынский, немного помолчал, видимо, о чем-то думая, а затем новым твердым голосом начал распоряжаться. — Выпроси у старика самогонку. Через час мы с тобой пойдем на станцию пешком. Вечером трогаются остальные. Ждут невдалеке от станции, пока не позову.

Всю дорогу Афанасьич жаловался на ревматизм и уверял, что пустой бидон нести много легче. Воротынский шел молча.

Когда они вышли на линию, — стемнело. Прямо над головами загрохотал поезд и, содрогаясь, остановился у станции. Был поезд набит солдатами. На двух платформах в хвосте стояли накрытые брезентом орудия. Прогрохотав и окутавшись белым паром, поезд помчался дальше.

— Ну, Афанасьич, действуй, — сказал Воротынский. Афанасьич пошел к вокзалу. Впрочем, то был не вокзал, — сарайчик весь в щелях. Возле лежали рельсы, три линии, — разъезд. Не было и платформы. Вместо нее — притоптанная земля. Спрятавшись за грудой шпал, Воротынский в сотый раз спрашивал себя: выйдет или не выйдет? И каждый раз покусывал крепкие прямые губы. А вдруг поезд подойдет раньше времени, а вдруг Афанасьичу не удастся освободить станцию? Уйти будет трудно...

— Выйдет, — Воротынский упрямо мотнул головой.

В эту минуту из освещенной двери барака вывалились две смутные фигуры. В темноте они казались огромными и раскачивались как деревья на ветру.

— А где же третий? — Воротынский вздрогнул. Ужели Афанасьичу удалось увести из барака только одного, а другой остался. Но нет, он тоже появился в дверях и крикнул:

— Помещение покинуть нельзя.

— А ну вас к чорту, — выругался один из вышедших.

— Оставайтесь, коли хотите.

— Пойдем, Иваныч, выпьем в прохладе ветвей, — убеждал Афанасьич. — Что ж ты один сидеть будешь, скучно.

Доводы подействовали. Утомленно икнув, третий присоединился к компании, и все трое направились в темную степь.

Тогда на станции закипела странная, очень странная работа.

Длинными жердями поддели красноармейцы камышевую крышу барака и целиком со стропилами сложили на земь. Потом начали разби-

рать стены. Барак стоял на четырех врытых в землю столбах, к которым были прибиты поперечные перекладины, обшитые тесом. Когда отбили эти перекладины, стены распались. Барак рухнул, словно карточный домик.

— Столбы нужно спилить под корень, — командовал Воротынский ровным голосом, а сердце стучало сильнее и сильнее:

— Успеют ли они перестроить? А вдруг сейчас придет поезд или вернется начальник станции. Эх, удалось бы Афанасьичу задержать их подольше!

Зашипела пила, найденная здесь же на станции, и столбы упали.

— Все это перетаскать через рельсы.

Насупротив, на той стороне полотна была такая же ровная площадка. На ней расставили столбы, не вкапывая. К столбам прибили доски и кое-как нахлобучили крышу. В готовый дом перетаскали скудные вещи, расставив их в прежнем порядке. Только телеграф уже не работал: при переноске провода были искусно перерезаны.

— Живет, — похвалил Вася работу. — А на кой ляд все это делали?

До сих пор они работали торопливо, не приставая с расспросами. Тревожная команда Воротынского взвинтила красноармейцев, они старались поскорее успеть переставить барак, чтобы не попасться с этой работой. Но теперь, когда все было сделано, красноармейцы недоумевали. В самом деле, зачем все это?

— Нужно, — ответил Воротынский. — А теперь подождем в стороне. Поезд придет с минуты на минуту.

Станция опустела.

Иван Иваныч Лайхинен, начальник разъезда Целибеевка, телеграфист и стрелочник, перевернулся на правый бок, щекой прямо в грязь, сел и промолвил:

— Предполагаю, что я в канаве.

Афанасьич сидел наверху, обнимая полупустой бидон, и посмеивался. Капитан, дежурный по воинским перевозкам, вторил ему и нельзя было понять — смеется капитан или кашляет.

— Ч-чудасия!..

— У меня зуб ноет. Будет флюс, — заявил Иван Иваныч, посидел еще немного и вылез. — Почему вы перенесли меня из помещения в это место?

— Мы? — капитан поднял плечи и выгнул грудь колесом: — Никто вас не переносил. Сами.

— Нет, сам я не мог.

— Да верно, дружище, сам, собственными своими ногами, — уверял Афанасьич, но Иван Иваныч продолжал упорствовать.

— Нет, я хорошо помню. Вы принесли нам самогон.

— Ну, принес. Дай, думаю, с приятелями...

— И предложили выпить. Я сначала сходил, переревел стрелки для следующего поезда, который должен направиться к фронту, — Иван Иваныч всегда изъяснялся долго и обстоятельно. — Затем, вернувшись, я выпил целую кружку самогона и, сидя на кровати, предложил спеть веселую песню. Так?



— Ну, и петь предлагал.

— Почему же в таком случае вы положили меня в сырую канаву?

— Никто вас не клал, — крикнул капитан, трезвея и нервничая. — После этой песни мы и пошли погулять. Проспали, верно? Через рельсы вы кое-как перешли, а перед канавой спасовали. Бултыхнулись вниз головой и все... А мы с вашим приятелем сидели и разговаривали.

Иван Иванович помолчал, размышляя, могла ли притти ему в голову такая блажь — бродить по степи. Решил, что раз он был пьян, то могла, и вздохнул.

— Я простудил свои зубы.

Афанасьич погладил его по спине мягкой круглой ладонью.

— Неладное дело. Требуется опохмел. У нас еще есть.

— У меня флюс будет, — настаивал Иван Иванович. — Надо итти обратно. Это не порядок — сидеть здесь.

— Ерунда, — отрезал капитан, совсем трезвый и злой и, немного подумав, добавил. — Но пойдете все-таки — поезд слышно.

Они потащились обратно. Направо всеми своими щелями светился убогий станционный барак. Капитан пристально на него посмотрел и выругался.

— Так ведь мы через рельсы переходили, когда сюда шли.

Афанасьич задумчиво почесал в затылке.

— Переходили, помнится.

— И обратно не возвращались?

— Да нет, перешли раз и сели.

— Тогда вокзал должен быть на той стороне полотна, а он на нашей. В чем дело?

— Мы, наверное, спутали, — вмешался Иван Иванович. — Когда выпьешь, всегда что-нибудь спутаешь.

— Не путал я ничего, — крикнул капитан, подходя к бараку.

В эту минуту загудела земля и подкатали, тяжело гремя и отфыркиваясь, фонари треугольником.

— Даешь жезл! — заорал кто-то из тьмы. — Спать вас тут посадили!..

— Нету жезла. Жди встречного, — ответил Иван Иванович, подставив к губам ладонь рупором.

— Как ждать? Поезд спешный.

— Снаряды везут, — пробормотал капитан, — зачем вы их на третий путь ставили?

— Я сам тоже не понимаю, — удивлялся Иван Иванович. — Я переводил стрелку на первый.

— Переводили? Через рельсы тоже переходили? Сами видите.

К ним подошел поскрипывая офицер.

— Дежурный по воинским перевозкам кто?

— Я, — капитан сделал шаг вперед и добавил: — без жезла поезд отправлен быть не может.

Офицер досадливо пожал плечами. Дорога была перегружена, на каждой станции поезд задерживали. На каждой станции приходилось настаивать и даже ругаться. Офицер пожал плечами еще раз и поскрипел безразлично, как автомат.

— Поезд спешный. Запросите по телеграфу.

— Телеграф не работает, — крикнул Иван Иванович, выскочив из барака с быстротой для него необычайной. Он уже попробовал сговориться со станцией Черный Бор, но безуспешно. Аппарат не работал.

— Наверное, линия сорвана, — сказал капитан и уставился на расписание поездов, — пропустить не могу.

— А вы о чем думаете? — офицер напустился на Ивана Ивановича. В заключение он вторично сказал: — Поезд спешный.

Иван Иванович ответил по обыкновению сосредоточенно:

— Я думаю о вашем поезде.

— Ну и что же, надумали что-нибудь?

— Пропустить поезд я могу или вручив вам жезл или запросив станцию Черный Бор по телеграфу, чтобы там задержали встречный. Ни того ни другого я не имею — то-есть, ни жезла ни телеграфа. Но есть положение о преимущественном направлении. Это — на случай прекращения сообщений между станциями. Все поезда, идущие от нас налево, мы должны пропускать, все поезда, идущие направо, — задерживать. Ваш поезд идет от нас налево. Следовательно, мы должны его пропустить. Станция Черный Бор тоже задержит поезда, идущие направо, вам навстречу, и столкновение произойти не может.

— Ну, ладно, — крикнул офицер, убегая к вагонам. На бегу он кинул машинисту:

— Пошел!

Паровоз выбросил из трубы сноп огня и запыхтел, сначала громко, потом тише и тише.

— Ухажеры там, в штабах, подлизы, — ворчал капитан, глядя, как подпрыгивает хвостовой фонарик. Затем обратился к Афанасьичу:

— Верите ли, противно на них смотреть. Давайте ваши остатки.

— У него болела голова и одолевала злоба на штабных блюдолизов. Капитан искал утешения.

— А вы имеете мнение, что поможет? — спросил Иван Иванович, недоверчиво поглядывая на кружку.

— От чего поможет?

— От зуба. У меня флюс будет.

— Определенно поможет, — уверял Афанасьич. — Один помещик обязательно ром пил от зубного недомогания. Собою такие пузатые бутылочки.

— Хорошо, — Иван Иванович соглашался, но условие — из помещения не уходить. Не полагается.

Тем временем капитан выпил кружку, и поковыряв в зубах спичкой, молча лег на кровать.

— Я тоже, — объявил Иван Иванович, — прощайте.

— До приятного.

Когда Афанасьич ушел, Иван Иванович повязал голову шарфом и привалился к капитану. Через минуту оба они неистово храпели.

— Готово, — докладывал Афанасьич Воротынскому, — вполне спят. Воротынский заглянул в полуоткрытую дверь барака.

— Верно. Спят. Ну, теперь, товарищи, поставим вокзал обратно.

Афанасьич разинул рот.

— Ка-а-а?

— А вот погляди, — захохотал Вася.

На этот раз прежде всего перенесли кровать, на которой гулко храпели, обнявшись, капитан и начальник станции. Пока их сон был крепкий, хмельной, и кровать можно было раскачивать и вертеть, как угодно. Потом опять установили столбы, прибили доски и с величайшим трудом подняли камышевую крышу. Лемке, электротехник по профессии, возился с телеграфом, соединяя провода. Исправленный аппарат сразу затараторил:

... встречный воинский, — состав пятнадцать вагонов.

— На коней, товарищи! Айда.

Афанасьича пришлось подсаживать. Отдохнувшие копыта щелкали бойко. Вдруг откуда-то из фиолетовой утренней степи донесся глухой удар. Затем еще и еще и тишина. Испуганные лошади храпели.

— Ну, лиходей, — осаживал Вася своего мерина, — не кипятись. Тебе бы, дураку, радоваться, что белые поезда удалось столкнуть. Лошади замедлили бег. Афанасьич догнал Васю и спросил:

— А я этого не понимаю, — заявил он, — не понимаю и шабаш.

Вася победоносно тряхнул головой, так, что кубанка съехала на затылок и держалась каким-то чудом.

— Проще простого. Когда станцию мы переставили, вместо правой стороны стала левая. Ну они поезд на правую руку и послали, а думали, что на левую. Понял, алкоголик?

— Молод ты, брат, вот что, — Афанасьич обиделся, но Вася, не слушая, затянул:

— Ты голубка сизокрыла,
Научи меня лета-ати...

Отряд держал путь к северу.

* * *

Иван Иванович сидел на табуретке, сгорбившись. Тяжелые рыжие ладони он положил на колени и, уставясь в угол, бубнил:

— Мы уже протрезвели тогда. Вы также видели, что поезд пошел налево. Такие поезда мы обязаны пропускать, согласно положения.

— Налево! — кричал капитан — Черный Бор тоже послал свой поезд налево, — они телеграфируют. От чего это вышло?

— Я не знаю.

— Пьяны были мы, вот что, — сказал капитан упавшим голосом, — расстреляют нас с вами.

Он подошел к окну. Над землей колыхался туман, над туманом стояло огромное солнце. Капитан усмехнулся.

— Знаете, есть еще одна дорога налево. Дезертируем мы туда, к красным.



ВЛАСТЕЛИН АФРИКАНСКИХ ДЖУНГЛЕЙ

(К рисунку на обложке)

Недавно в дебрях бельгийского Конго была убита огромная горилла. Охота на этих обезьян сопряжена с большими трудностями: спасаясь от преследования охотников они обычно укрываются в верхушках деревьев, растущих над непроходимыми, топкими болотами девственных лесов и оттуда швыряют в охотников тяжелыми сучьями.

По своим размерам горилла эта превосходит все известные до сих пор экземпляры. Мощные мускулы ее рук больше в объеме, чем мускулы одного из самых высоких мировых

боксеров тяжелого веса. Длина кисти руки, удивительно напоминающей человеческую руку, достигает 9 1/2 дюймов.

Курьезно, что все эти обезьяны оказываются лезшами.

Сфотографированный рядом с гориллой человек — представитель туземного карликового племени. Эти крошечные, но в высшей степени выносливые люди чувствуют себя как дома среди густых зарослей африканских джунглей и незаменимы в качестве проводников охотничьих экспедиций европейцев.

„НА 81° СЕВ. ШИРОТЫ“

записки участницы похода „Красина“ — Л. Воронцовой выходят в ближайшее время очередным выпуском библиотеки журнала

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“



Рассказ М. Шидловского
Рис. С. Лузахова

Семен Хотяев не был охотником — рыболовство было его любимым летним занятием. Да и зимой он крайне редко, и то от скуки ради, захватив ружье и собаку, уходил бродить по заросшим карельским лесам.

Даже после того, как ему по наследству от Николая Хотеева — ярого охотника — перешли лучшие в округе собаки, и когда он стал обладателем замечательного ружья, — Семен не изменил себе и не стал охотником.

Скучно было жить собакам у нового хозяина. «Мишка» вскоре сбежал от него, что сделала бы наверно и «Викейка», если бы вскоре после переселения к Семену у нее не появились щенки, которые и приковали ее к дому.

Только хмурый «Мушти» лежал у ворот дома, изредка заходил в избу, — как бы для того, чтобы проверить, на месте ли дорожки и знакомые ему охотничьи снаряжения Николая. Может быть эти ружья, ягташ, олений полубок да стоявшие в углу лыжи и пимы и удерживали его у Семена. Как бы там ни было, но он не последовал примеру «Мишки» и, лежа у ворот, сердито ворчал на прохожих и часто тоскливо устремлял свои косо разрезанные глаза на зеленевший невдалеке лес. Из леса неслись какие-то запахи, которые «Мушти» порой жадно втягивал в себя, поводя своим черным носом.

Иногда он издавал тяжелый вздох и, опустив затем свою клинообразную волчью голову на могучие лапы, начинал дремать. Если в течение некоторого времени его никто не тревожил, то он засыпал тревожным и беспокойным сном. Во сне он часто сердито ворчал, подергивая губами и обнажая громадные клыки, издавал придушенный и отрывистый лай, лапы его приходили в движение. Он перебирал ими быстро и нервно. Затем, внезапно успокоившись, он начинал мирно помахивать своим пушистым, круто запрокинутым на спину хвостом. Этот хвост, главным образом, и отличал его от волка. Во всем остальном, за исключением только более низкого роста, он был точной копией карельского волка.

Мучительные и радостные сны, которые снились «Мушти», может быть только одни и скрашивали ему скучную повседневность и не будь их да снаряжения Николая, обнюхивать которое два раза в день было для него, повидимому, необходимой потребностью, и он, наверное, последовал бы за авантюристом «Мишкой». У него были крепкие клыки, острое зрение, большой ум и волчья сноровка, и хотя он и не был таким заправским и ловким вором, как его родная сестра «Викейка», он мог смело ничего не бояться и пробивать сам себе дорогу в жизни.

Ах, эти сны «Мушти». Чего он только не видал в них и где не побывал! То он видел себя лежащим на берегу прекрасного Сег-озера, где он часто лежал, наблюдая за страпней своего хозяина, лесного бродяги Николая, и лениво при этом отбивался от пристававшего более молодого и неутомимого «Мишки», то он видал себя трясутым под лавкой в вагоне Мурманки, по которой частенько мчался с Николаем, имевшим какие-то таинственные дела к мрачной и суровой Имандре и никогда не забывавшим захватить с собою и собаку и ружьишко. Сами путешествия эти не были приятными для «Мушти», ибо он, как безбилетный пассажир, пробравшись в вагон незаметно, должен был скрываться весь долгий путь в неудобной позе за каким-нибудь мешком, не

имея права высунуть носа, и только выходя за своим хозяином он мог огрызнуться и показать свои ослепительно белые клыки. Часто «Мушти» видел себя пробиравшимся по лесу, который был для него огромной книгой, а в книге этой каждая страница была для него понятной. Он видел стремительный взлет со снега таких же белых, как снег, куропаток, чувствовал в неподвижных ветвях присутствие белки, узнавал направление пробежавшего вчера величественного лося, видел по открытым следам сладострастные кошачьи движения рыси. Но чаще всего он видел в своих снах того, война с которым была его главной специальностью, прославившей его от Сег-Озера до Имандры. Среди лаек-медвежатниц ни одна не могла сравниться с «Мушти», ибо ни одна не могла подойти незаметнее к зверю «из-под ветра», ни одна не могла лучше «Мушти» гнать его «по насту». Даже в боях один на один «Мушти» останавливал медведя не только одними попытками укусить его за «гачи», но и сильными почти молниеносными хватками в таких же молниеносных бросках к заднему медведя.

Если так ловок был «Мушти» по медведю «гонному», то не менее был ловок он и в своей работе у берлоги. Никто из других собак всей Карелии не умел лучше и быстрее его досадить желавшему отлежаться в своем жилище Топтыги, и заставить его, после недолгих «порюхиваний» и безрезультатных попыток лапой подцепить собаку, вынестись пулей из берлоги и вступить в единоборство с собакой. Николай никогда не мог вдоволь налюбоваться боем, всегда находил его слишком коротким, не торопясь притти на помощь «Мушти» и метким выстрелом уложить медведя.

Просыпался «Мушти» и начинал снова поглядывать на лес, снова пытался своими широкими ноздрями поймать знакомые и хорошо понятные ему лесные запахи. Потом, лениво потянувшись и грустно опустив голову, шел к избе, но, отойдя на пару шагов в сторону, укладывался снова.

II

Наступила осень. Желтые поля морошки заменились алыми полями брусники. Карельский лес фантастически расцвел различными мхами — от бледно-желтых до огненно-красных тонов — и увядающей листвой. Только одни вековые сосны не изменили своего наряда, в котором они проводят и бесконечный день и бесконечную ночь, идущую с берегов полярного моря. Вечерами по небу пробегали еще пока бледные и грустные призраки северного сияния, которое через пару месяцев воспламенит половину небесного свода и бросит на него снопы лучей всех цветов радуги.

В один из этих осенних дней Семен решил сходить за десятком верст к одному из своих приятелей, чтобы получить должничко да несколько новых дорожек для семги, привезенных с самого Петрозаводска. Свои он где-то посеял на днях по пьяному делу, из-за чего его жена Мария не переставала причитать с утра до ночи. Будучи сильно не в духе, напялив на себя неизменную шапку-финку и зарядив ружье Николая, которое он захватил с собою, так, на всякий случай, и бросив еще один патрон в карман, ругая все и всех, — он вышел из дому. Увидев в воротах лежащего «Мушти» он решил захватить и собаку.

Увидев в руках Семена ружье, «Мушти» оживился и, приветливо махнув ему несколько раз хвостом, побежал вперед.

Пройдя две версты берегом реки, Семен для сокращения пути решил срезать и пошел через лес там, где зимой обыкновенно прокладывался санный путь, которым он часто подвозил себе дрова и сухостой. Итти тут было значительно тяжелее, чем берегом, но изрядное сокращение дороги привлекло его и, хотя местами ноги его, обутые в высокие желтые сапоги, с несколько загнутыми кверху носками, западали глубоко в почву, однако, он быстро подвигался

вперед. Высокий гребень, шедший слева, не позволял ему сбиться с пути.

Он знал, что гребень этот окончится у небольшого озера. Обогнув это озеро, он выйдет у просеки, которая его быстро выведет опять к реке, сделавшей большой поворот. Пройдя версту берегом—он будет у цели.

Вот и знакомое озеро, вот и спад гребня, вот и просека. Свежий ветерок подул в лицо несколько уставшему от быстрой ходьбы Семену и оживил его. Что же касается «Мушти», то ветерок этот заставил его остановиться, как бы окаменев, заставил всю шерсть на нем подняться до самого хвоста, вытянуть голову вперед, поставить уши совершенно прямо и оскалить клыки. Это продолжалось только секунды две-три. Затем собака съездила и в два прыжка исчезла. Через мгновение лесную тишину прорезал бешеный лай, с которым разъяренная собака обыкновенно насаждает на зверя.

Семен, машинально сбрасывая на ходу ружье, поспешил на помощь к собаке. Через мгновение он увидел громадного медведя на небольшой полянке среди брусники, отчаянно пытавшегося подцепить своей огромной лапой с непостижимой быстротой увивавшуюся вокруг него собаку. Как во сне все поплыло перед глазами Семена: вот он увидел поднышавшего на задние лапы медведя, который двинулся на него. Холодный пот выступил у него на лбу, и он как во сне увидел далее, что зверь вдруг сел и опять замахал лапами на «Мушти», успевшего два раза присосаться к его задку и отпрыгнуть в сторону. Потом медведь попятился и прижал свой зад к большой колодине засохшего дерева. «Мушти», будучи уже не в состоянии взять его за уязвимое место, стал насаждать на него спереди. Семен прицелился, спустил курок и, видя сквозь дым, что медведь не свалился и продолжает отмахиваться от собаки, бросился в паническом бегстве обратно к реке. По дороге он потерял свою финку, на ходу пытаясь из кармана достать другой патрон. А если бы он был меньшим трусом, то он бы заметил, что после его выстрела, который, как это ни странно, был удачным,

его, как охотника, правда, поддерживаемая только его языком, погибла бы навсегда.

III

Подходя уже к дому, Семен вынужден был раза два спрятаться за кусты, чтобы не встретиться в таком виде с своими односельчанами. Незаметно прошмыгнув в избу, когда Мария была во дворе, он сразу же завалился на свою кровать как был в сапогах. Жена, увидав его в таком скверном настроении, не стала ни о чем расспрашивать. Только когда наступил вечер Семен снял сапоги, разделся и мрачно отрицательно покачивая головой на приглашение жены поесть, — крепко заснул.

Мария, поужинав в одиночестве, стала убираться и только было хотела закрыть дверь на засов, как услышала за нею жалобный визг собаки. Открыв дверь она при свете лампы увидела «Мушти», но какого «Мушти»! Он был весь в крови. Его зад представлял собой сплошную рану, его залихватски всегда загнутый на спину хвост свисал теперь беспомощно вниз и одна нога волочилась. Очевидно, медведю в агонии удалось подцепить своей могучей лапой зарвавшуюся и потерпевшую осторожность собаку.

Лампа в руках Марьи задрожала и она, бросив подозрительный взгляд в сторону спящего Семена, засуетилась вокруг собаки. Она поняла, что существует какая-то связь между сегодняшним поведением мужа и раненым «Мушти». Раздумывая об этом она старалась, как только могла, облегчить страдания последнего. Решив не будить мужа, она уложила собаку у печки на ворохе рогож, смочила холодной



зверь как-то осел и стал производить уже совершенно бесцельные движения.

Семену не до того было: унося в ушах рев медведя он, весь мокрый от усталости, только добрав до реки и убедившись, что его никто не преследует, несколько пришел в себя и стал упрекать себя, что промахнулся, что «Мушти» погиб,—проклиная все, побрел домой. Где-то в глубине души его зашевелилась мысль: нельзя было так бросить героя «Мушти», но сразу же это чувство было подавлено страхом, чтобы никто не узнал об этом происшествии. Упустить зверя с такой известной медвежатницей как «Мушти», бежать, потеряв ружье и шапку... Его засмеяли бы в деревне, и слава

водой ее раны и дала пить. «Мушти» жадно сделал несколько глотков холодной воды и, лизнув руку хозяйки, затих, издавая по временам слабые стоны. Мария покачала головой, постояла немного в задумчивости и стала раздеваться. Потушив лампу она легла на печь и долго, долго не могла уснуть.

Проснувшись Мария среди ночи, внезапно разбуженная стуком от падения чего-то тяжелого, звоном разбиваемой посуды и шумом какой-то отчаянной возни на полу. Прислушавшись, она ясно расслышала какие-то хрипы и сопение. В ужасе вскрикнув и вся дрожа, не понимая в чем дело, она закуталась в полушубок и прижималась к стене. Потом, собрав всю силу своей воли, она начала искать вокруг себя

спички, которые всегда клала под подушку. Под шум непрекращающейся возни и звуки ужасного хрипа, она долго дрожащими руками не могла зажечь огня; спички то выпадали из пальцев, то ломались. Когда изба осветилась трепетным пламенем нескольких спичек, зажженных сразу, ее глазам представилась страшная картина: на полу, среди стащенных с постели одеяла и подушек, между опрокинутым столом с посудой и самоваром, барахтался Семен. Его глаза вылезли из орбит, одна рука его судорожно вцепилась в шею «Мушти», вцепившегося ему в горло, а другой рукой он пытался нанести бесполезные и слабые удары по широкому лбу собаки. Мария увидала, как Семен раза два, согнув ноги в коленях, оттолкнулся с места и проехал на спине с поларшина, увлекая на себе и собаку, и как потащился по полу ее изуродованный медведем зад. Спички потухли, обжигая Марии руку.

Когда, наконец, она, придя в себя и поняв в чем дело, смогла, соскользнув с печи, склониться над врагами, — она только увидала последние, пробежавшие по телу Семена предсмертные судороги... «Мушти», быстро терявший силы, еще крепко держал своею пастью горло хозяина, покинувшего его в критическую минуту борьбы с медведем.

Так погиб горе-охотник Семен и так погиб свирепый «Мушти», который много видал и много где побывал. Слава о нем до сих пор живет по Мурманке, и его часто вспоминают охотники-корелы между озерами Сег и Имандрой.



ШЕСТЬ ДНЕЙ



«6 дней» — излюбленное зрелище парижан. Добрая половина публики, собравшейся на этом, вмещающем несколько десятков тысяч человек, велодроме, проводит здесь безвыходно шесть дней, ибо в течение этого срока идут непрерывные состязания велосипедистов. В состязании принимают участие чемпионы разных стран. Каждая страна имеет двух гонщиков, во время заезда одного (10—15 мин.), другой находится в руках врачей и массажистов, которые искусственно поддерживают его силы, чтоб через 10 минут посадить его на машину и выпустить на велодром; во время его заезда поят коньяком, растирают ноги, разминают мускулы только что вернувшегося и т. д. в течение шести суток. Перерыва на сон и еду нет. Изможденные гонщики стараются экономить силы, чтоб не свалиться раньше срока (после окончания «шести дней» все они проводят несколько недель в лечебнице), но толпе нужны сильные ощущения и навстречу ей приходят фабриканты, купцы, портные, банкиры и пр., которые в погоне за рекламой объявляют призы к концу каждого заезда. Данная фотография снята в полночь — объявлен приз в 1000 франков, гонщики развивают скорость, толпа напряженно следит, кино-операторы наставляют аппараты. Победителем «6 дней» будет тот, кто ни разу не свалился и взял наибольшее число заездов.

Срок присылки ответов на конкурс

===== SOS =====

продлен до 15-го февраля

ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕМИЙ БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН В СЛЕДУЮЩЕМ

НОМЕРЕ



ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ № 2 (21)

Турнир по переписке шахматного отдела „Вокруг Света“

Идя навстречу желанию многих наших читателей, шахматный отдел журнала „Вокруг Света“ организует среди своих подписчиков турнир по переписке. Лиц, желающих принять участие в турнире, просим сообщить в редакцию свои адреса. Подробности проведения турнира в следующем отделе.

Матч Боголюбов — Эйве

В разных городах Голландии происходил матч из 10 партий между Боголюбовым и молодым голландским шахматистом Эйве. О талантливой игре этого гроссмейстера и его блестящих достижениях за последнее время в нашем отделе уже неоднократно писалось. Матч закончился с почетным для Эйве результатом $+5\frac{1}{2} - 4\frac{1}{2}$ в пользу Боголюбова, при чем первые четыре и последние три партии закончились вничью, пятую и седьмую выиграл Боголюбов, а шестую — Эйве. Ниже мы приводим пятую партию матча.

Партия № 30

И н д и й с к а я
Боголюбов — Эйве.

1. d2—d4, К g8—f6, 2. c2—c4, g7—g6, 3. К b1—c3, С f8—g7, 4. e2—e4, d7—d6, 5. К g1—f3, 0—0, 6. С f1—e2, К b8—d7, 7. 0—0, e7—e5, 8. d4—d5, К d7—c5, 9. К f3—d2, a7—a5, 10. Ф d1—e2, К f6—d7, 11. К d2—b3, f7—f5, 12. e4—f5, Л f8—f5, 13. С e2—g4, Л f5—f8, 14. С c1—e3, b7—b6 (последовательно, но слабо; следовало играть: 14... К c5: b3 с последующим 15... К d7—f6), 15. К b3: c5, К d7: c5, 16. С d4: c8, Ф d8: c8, 17. С e3: c5, b6: c5, 18. Л f1—e1, С g7—h6, 19. Л e1—e2, Ф c8—d7, 20. Л a1—d1, Л f3—f4, 21. К c3—e4, Ф d7—f5, 22. f2—f3, Ф f5—d7, 23. Л d1—d3, Л f4—f8, 24. Л d3—a3, К p8—g7, 25. Ф c2—c3, a5—a4, 26. Ф c3—c2, Л a8—a5, 27. К e4—c3, Л f8—a8, 28. Л e2—e4, С h6—f4, 29. К c3—b5, h7—h5, 30. Ф c2—e2, Л a8—f8, 31. Ф e2—e1, Л a5—a6, 32. Ф e1—d1, Л f8—a8, 33. Ф d1—c2, С f4—g5, 34. g2—g3, Л a8—f8, 35. К p1—g2, Л a6—a8, 36. Ф c2—d1 (на 36. Л a3: a4 последовало бы: 36... Л a8: a4, 37. Ф c2: a4, Л f8: f3), 38. К p2: g3, Ф d7—f5+ и т. д.), 36... Л a8—a5, 37. h2—h4, С g5—f6, 38. Л a3: a4, Л a5: a4, 39. Ф d1: a4, g6—g5, 40. h4: g5, С f6: g5, 41. Ф a4—d1, Л f8—f6, 42. К b5—c3, Ф d7—f5, 43. Л e4—e1, Л f6—g6, 44. К c3—e4, С g5—f4 (ход 44... h5—h4 давал черным хорошие шансы на ничью, например: 45. К e4: g5, Ф f5: g5, 46. g3—g4, Ф g5—f4, 47. Ф d1—e2, Ф f4—g3+, 48. К p2—h1, Ф g3—h3+ и т. д.), 45. К p2—f2, Ф f5—h3, 46. g3: f4, h5—h4, 47. f4: e5, Ф h3—h2+, 48. К p2—e3, d6: e5, 49. К p3—d3, h4—h3, 50. Л e1—h1, Ф h2: b2, 51. Ф d1—a1, Ф h2—g2, 52. Ф a1: e5+. Эйве сдался.

Конец партии

На недавно происходившем международном турнире в Гааге в партии между Трейбалом (белые) и Шероном (черные) после 18-го хода черных получилось положение, изображенное на диаграмме.



Игра продолжалась следующим образом: 19. Л a1—a5, b6—b7 (на 19... c7—c5 последовало бы: 20. Л a5: c5, d6: c5, 21. С d4: g7+, Л g8: g7, 22. Ф d1: d7. Лучшее всего здесь 19... Ф d7—e6, а на 20. Ф d1—h5 ответить 20... c7—c5), 20. Ф d1—h5!, Ф d7—e6 (после 20... b6: a5, 21. Ф h5: f7 у черных нет защиты от мата), 21. Л g3—h3, Ф e6—g6, 22. Л a5: f5!, К f7—h6 (на 22... на К d7: f5 черные ответили бы 23. Ф h5: g6, на 22... Ф g6: h5 последовало бы 23. Л f5—h5, h7—h6, 24. Л h5: h6+, К f7: h6, 25. Л h3: h6x), 23. f5—g5, Ф g6—e6, 24. Ф h5: h6. Черные сдались.

Шахматная жизнь

Харьков. Д. Д. Григоренко выиграл матч у Терещенко со счетом $+5 - 3$ и, таким образом, завоевал звание чемпиона Харькова.

Ростов на Дону. Закончился четвертый турнир с участием мастера Селезнева. Первое место занял м. Селезнев ($2\frac{1}{2}$ из 3), не проигравший ни одной партии, второе — Григорьев (2), 3-е — Павлов (1) и последнее — Мосяков ($\frac{1}{2}$).

Нижний-Новгород. Закончился шахматный чемпионат города. Первый приз и звание чемпиона Нижнего-Новгорода завоевал Баутин, набравший $9\frac{1}{2}$ очков из 11. 2-й приз достался Стамму (8), третий — Фридлянду ($7\frac{1}{2}$), 4-й приз разделили Вяхирев и Аронович (по 7).

Воронеж. В закончившемся шахматном турнире молодежи победителем вышел Иванов, набравший 7 очков из 8. За ним следуют Выханов, Чернякин и Уваров (по 6).

Новгород. В помещении окрсовета физкультуры открылся общегородской шахматный клуб.

Задача № 16

В. М. Брауна.



Белые: Кр a5, Ф g3, Л c5, С b5 и h6, К e2 и e8, пп. c3, d2, d4, f4, g2, g6 и h3 (14).

Черные: Кре4, Л d8, С c8, К d5 и h5 (5).

Мат в 2 хода.

Этюд № 6

Д-ра Эриха Цеплера.



Белые: Кр f2, Ле1, пп. f5, g5 и h5 (5). Черные: Кр b8, Л c5, пп. a4, b4, c6, d5, h3 и h7 (8).

Белые начинают и делают ничью. Фамилии тт., приславших правильное решение, будут опубликованы.

Решение задачи № 15

1. Л c4 — c6.

ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

задачи № 15 прислали: Д. Варадинов (Троцк), А. Пирогов (Медвежья Гора), М. Пульнер (Брянск), А. Богомолов (Дербент), Н. Кладовщиков (Константиновская), П. Абель (Гомель), Н. Кудрявцев (Архангельск), А. Поляков (Красноярск), Ю. Бренев (Крюково), И. Нечаев (Аули-Ата), Н. Жимаков (Ставрополь), Анисямов (Нерехта), М. Дубровский (Тамбов), Б. Тагер (Херсон), В. Погарский (Тюлькубас), П. Чичерин (Ярославль), Г. Гачев (Челябинск), Я. Поволоцкий (Вольск), Н. Вахрушов (Харьков), Н. Яковлев (Армавир), И. Верхоустицкий (Москва), М. Флексер и А. Воскресенский (Ленинград).

ДОПОЛНИТЕЛЬНО РЕШИЛИ

задачу № 12: С. Ваганов (Ленинград), Г. Кузьмин (П.-Новгород); задачу № 13: И. Марченко (Марнополь), Г. Кузьмин (Н.-Новгород), Д. Варадинов (Троцк) и А. Поляков (Краснодар).

Список лиц, решивших задачу № 14, будет опубликован в следующем номере.



„СПЕЦ-МУЗЫКА“
МОСКВА, Тверская. 63/в.
С. Н. МОМЕНТ.

ВРЕМЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ В ЖУРНАЛ
„ВОКРУГ СВЕТА“
В ОТДЕЛЕНИЯХ
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
Адрес: Москва, Пр. 25 Октября, 63. Т. 1-97-89.
Киев, Советская ст., 84. Тел. 4-78-85.

МОСКВА, центр. П. ЗАГОР ЛНАУ
Ананьевский п., д. 16 18, кв. 24.

Ожреда из немецкого франца типа «Кепта». Искусство, мистика, тилаловое, не бующ, не отлич от настоящ: 43 см с серебром в мк. — 9 р; 50 см с серебром. замк. — 11 р; 65 см с серебром. замк. — 4 р; 130 см — 28 р; 150 см — 27 р; 170 см — 31 р. Серьги франца. типа «Кепта» серебром, последни модны фантасма. 4 р. 50 к. Угловка, пересылка и страховка посылаи бесплатно. Выход. малом. глат. Имеется масса благодарностей. Ленинград, 40. Пушкинская ул., д. 11, кв. 6/в. А В ШТЕЙН.

С требованиями следует обращаться в Главную
Контору Издательства „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“:
Ленинград, 2. Фонтанка, 57.



Цена 1 р. 26 к.

Заказы и деньги направлять:
Ленинград, Пр. Володарского 51.
Магазин „ДЕШЕВАЯ КНИГА“.
Изд-во „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1929 ГОД

на двухнедельный научно-популярный и культурно-образовательный журнал

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Под общей редакцией Л. Б. ГОРОХОВА, аксд. В. Л. КОМАРОВА, проф. В. П. ОСИПОВА, проф. М. В. СЕРЕБРЯКОВА, акад. А. Е. ФЕРСМАНА, проф. Я. И. ФРЕНКЕЛЯ, проф. П. Ю. ШМИДТА, П. И. ЧАГИНА и Н. А. ЭНГЕЛЯ

Журнал ставит своей целью знакомить широкие читательские круги с важнейшими вопросами и последними достижениями современной науки и культуры.

Журнал будет широко освещать культурную и научно-общественную жизнь СССР и зарубежных стран.

К участию в журнале привлечены наиболее крупные научные силы СССР, являющиеся творцами и руководителями в различных областях научно-исследовательской работы.

К ЖУРНАЛУ БУДУТ ДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

6 книг **НОВЫЕ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ**

6 книг **ОСНОВЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**
В КРАТКИХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ОЧЕРКАХ И КОНСПЕКТАХ

12 книг **СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ЛИТЕРАТУРА**
В БИОГРАФИЯХ И ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Условия подписки:

1. „ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА“ без приложений:
1 мес.—60 коп., 3 мес.—1 руб. 75 коп., 6 мес.—3 руб. 25 коп., 12 мес.—6 руб.
2. То же с приложен. 12 книг „Современная Наука и Литература в биографиях и характеристиках“:
1 мес.—1 руб. 10 коп., 3 мес.—3 руб. 25 коп., 6 мес.—6 руб. 30 коп., 12 мес.—12 руб.
3. То же с приложен. 6 книг „Новые идеи в современной науке“, 6 книг „Основы естественных наук“:
1 мес.—1 руб. 30 коп., 3 мес.—3 руб. 80 коп., 6 мес.—7 руб. 50 коп., 12 мес.—14 руб.
4. То же с приложен. 12 книг „Современная Наука и Литература в биографиях и характеристиках“, 6 книг „Новые идеи в современной науке“ и 6 книг „Основы естественных наук“:
1 мес.—1 руб. 50 коп., 3 мес.—4 руб. 25 коп., 6 мес.—8 руб., 12 мес.—15 руб.

Для годовых подписчиков на журнал „ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА“ с приложениями допускается рассрочка:

При подписке 4 р. 50 к. || К 20 июня 3 р. — к.
К 20 марта 4 „ 50 „ || К 20 сентября 3 „ — „

Заказы и деньги направлять:

Ленинград, 2, Фонтанка, 57, Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В МОСКВЕ — отделением „Красной Газеты“, Советская пл., № 34, и специальными уполномоченными. По СССР — отделениями центральных издательств, киосками контрагентства печати и всеми почтово-телеграфными конторами и отделениями.